

В ЭТОМ НОМЕРЕ
СВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

АЛЕКСАНДР
КАРПЕНКО
Медицинский казус
с. 1

МАТИ
LAOS
Mendi süda
с. 2

ЮЗЕФ
ЛИВШИЦ
Стихи
с. 3

МИХАИЛ
ПЕТРОВ
Мёрзок: призраки
и привидения
с. 5

ВЛАДИМИР
ПООЛЬ
Константин Пятс
*Отрывки из книги
«Первый президент
Эстонской Республики
Константин Пятс.
Заключённый №12»*
с. 11

ВЛАДИМИР
ПРОКОФЬЕВ
Стихи
с. 15

ЕВГЕНИЙ
СМИРНОВ
Наезд на пешехода
с. 17

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

Медицинский казус

История, о которой хочу рассказать, случилась в середине 60-х годов прошедшего столетия.

В одном из городков Америки к врачам обратились два добропорядочных господина со странными жалобами на голову. Назовем их Джон и Эдвард. Пациентам время от времени слышались голоса людей, которые предлагали им купить какой-нибудь товар: стиральную машину, радиоприемник и т.д. Не гнушались и туалетной бумагой. А потом в их головах начинала звучать музыка. «Хоры ангелов», как они говорили.

Первоначально эти жалобы вызывали у врачей улыбки. Обследовав их по своей медицинской специальности, они отправляли Джона и Эдварда к другим медикам. Врачи были в недоумении. Они обследовали их буквально по клеточкам, но никаких отклонений не нашли. Хроническими расстройствами больные не страдали, патологии обнаружены не были. До случившегося с ними «заболевания» Джон и Эдвард друга друга даже не знали.

Конечно, обследовали необычных пациентов и психиатры. Их вердикт был однозначным – здоровы. Припадками и провалами в памяти те не страдали, в буйствах замечены не были, галлюцинации и другие психические страшилки не наблюдались. Оба были примерными семьянинами, отцами, у которых на двоих бегало пятеро прелестных здоровых детишек. Врачи не знали, от чего их лечить и какие медикаменты назначить.

А тем временем разговоры в их головах продолжались, как и музыкальные номера в перерывах между рекламой. Анализ появления голосов тоже не подвергался какому-либо системному объяснению. У Джона и Эдварда они появлялись в разное время суток, которое не было связано с их образом жизни. Один работал клерком в банке, другой – делопроизводителем в строительной компании. Запросили полицию. От нее пришел положительный ответ. В употреблении наркотиков замечены не были, спиртными напитками не злоупотребляли, в скандалах и драках не участвовали, т.е. по головам тяжелыми предметами не получали.

И вот когда пациенты окончательно уверовали, что они – ненормальные, с ними решил познакомиться доктор Генри Пухарик.

Он не был светилом в области медицины. Обычный врач, как у нас сказали бы, общей практики. Пухарик отличался в своей работе дотошностью, пунктуальностью и обладал определенными задатками следователя. Пухарик стал по отдельности беседовать с пациентами и подробно выяснять их образ жизни до того момента, когда они стали слышать голоса. Выяснял все: где бывали, с кем встречались, куда ездили и т.д. Наконец доктор обратил внимание, что они посещали один и тот же стоматологический кабинет.

– Да, лечились они у меня, – подтвердил стоматолог, – я им пломбы ставил. Правда, состав цемента у меня был необычный. Для крепости пломбы я добавлял в цемент незначительную примесь карборунда.

Выяснилось, что кристаллы карборунда – типичные полупроводники, которые могли принимать коротковолновые передачи...

Как уж там все происходило в их организме на самом деле, установить не получилось, но кристаллы карборунда принимали радиосигналы, а дальше по кости и живым нервам зуба достигали мозга. Выяснилось, что эти так называемые «транзисторные приемники» по иронии случая были настроены на волну радиостанции, передающей торговую рекламу.

Как только пломбы удалили, Джон и Эдвард перестали слышать голоса и вернулись к нормальной жизни.

А доктор Пухарик так увлекся своим открытием, что забросил врачебную практику и вместе с радиотехниками стал разрабатывать радиоприемник, который можно вставить в полость рта. История умалчивает, удалось ли ему это сделать.

Прошли десятилетия. В интернете появилась информация о том, что ученики школы Aisen Chacin of Parsons в Нью-Йорке представили на суд общественности новейшую разработку – вибрирующее устройство, способное воспроизводить музыку изо рта прямо в мозг. Новинка с названием «Play-A-Grill» создана, чтобы, комфортно закрепив ее к зубам при помощи специальных зажимов, прослушивать музыку, а благодаря «костной проводимости», свойственной человеческому организму, не использовать слуховой аппарат. Управлять устройством можно будет с помощью языка.

Ohhoo! 95 km/h. Kiirusemõõtja ei valeta või kui valetabki, siis vaid õige natuke. Kuhu siis seltsimehel nii kiiret? Vaja järel uurida. Ja augurand ning rahatasku juba lausa põlevad põues. Saa väljutada ma oskan suurmeisterlikult.

Uhke auto. „06“ ja punane pealekaut. Vähemalt 9100 rubla. Minu 80 kuu palk. Kust inimesed küll võtavad sellise raha? Kui ma igalt liiklusrikkujalt ka üksnes kolmea saan, jõuaksin sellise tulemuseni alles nelja-viie aastaga. Aga vahepeal korjab ju naine mu rahakotist kõik säästus ära ning autoost tuleb jälle mitme-setme aasta võrra edasi lükata. Ja kust selline tolgu üldse autoostu loa sai? Mustalt turul maksab selline iludus vähemalt kaks korda rohkem. Ma suren enne ära, kui sellist palga- või „säästurahast“ endale lubada võiksin.

Nonii. Kõigepealt tiir ümber auto. Järsku avastan mõlke või muid varjatud avariijälgi.

Võtaks auto kohe käest ja saadaks ekspertiisi. Saaks vähemalt mõne kilomeetri tõelise iluduse roolis sõita. Teised iludused tänava ääres vaataksid ja imestaksid, kust küll militsionäär nii uhke auto on saanud. Mõnekilomeetrise elul oleks tõepoolest jumet.

Avariijälgi kahjuks ei ole. Ilmselt mingi autohull. Oskab oma kaarikut kenasti hoida. Isegi porilatakad on kõik kenasti oma kohal, ükski pole kadunud. Ka kojamehi pole keegi ära tõmmanud.

Ilmselt, sunnik, hoiab oma tõlda kusagil eragraažis ja kasutab seda vaid uhkeldamissõitudeks. Kui kusagil suvalises kohas parkinuks, olnuks kojamehed sekunditega aknalt kadunud. Kadaka autoturul on järelmüüjaid küll ja küll. Hm. Kolmnurkakna kinnitust pole ka keegi põleva suitsuotsaga sisse põletanud, et omaniku teadmata segamatult sellesse tilisanga sisse pääseda. Küljeklaasi sisselõõmine on ju brutaalne värv ja suuremad jõhk-rutsejad istuvad juba enamasti plate peal.

Nõukogude miilits ei maga! Aga neid suitsuga mängivaid pisisulisid on igas külakeses, linnadest rääkimata.

Mendi süda (Ментовское сердце)

Uhh, radiofitseeritud kaarik kah veel! Fiiberantenn üle katuse kooldumas nagu sild üle Emajõe. Selge, et spekulant! Noh, lubame siis aknaklaasi alla lasta või ukse lahti teha, et mehikesele näkku vaadata... Silmadest on kohe näha, kas on lurgus või nihuke tavaline keskpäevane sul.

Esitlen ennast. Esitleda ikka tuleb, muidu hakkavad pärast lõrisema ja kaebama, et rikkus statuuti. Või eeskirju või jumal teab mida.

Juhiload ja tehniline pass! Neid tuleb alati tähelepanelikult silmitseda, sest alles eelmisel nädalal avastati ühest põrandaalusest võltsimiskojast terve hunnik peaaegu ehtsaid juhiloa blankette.

Tehnilisi passe oli kah portsu jõutud valmis trükkida. Kelmid ei maga, aga teenivad palehigis.

Nojah, eks nemadki peavad millestki elatuma. Müüjaks või keevitajaks ju igaüks ei lähe ning pole tarviski. Müüa ju viimasel ajal niikuinii suurt midagi pole, järelikult jääb vähemaks ka defitsiidiga kauplemine.

Hm. Talongis pole ühtegi auku! See on hea märk, järelikult on kümnekas või vähemalt kolmekas juba kusagil valmis pandud. Tavaliselt pannakse see küll juba lubade vahele, aga võib-olla on tegu lihtsalt kogenematuma selliga. Küll ma asja juba selgeks teen! Naisel on sünnipäev tulekul, aga mul juba palgaraha otsas. Ja ämm pidi ka külla tulema, pudeli likööri ja tordi peaksin vähemalt nii vastiku sündmuse puhuks koju tooma. Militsionääri elu pole mingi meelakku mine, ärgu vastupidisele mõeldagu!

Nonii. Ajame siis juttu ka. „Kiirustasite, seltsimees! Tervelt 5 kilomeetrit üle lubatu!“

„Vabandan väga, tõepoolest ei pannud tähele! Vabandan veel kord ja püüan edaspidi tähelepanelikumalt kiirust jälgida!“

Hale vale! Tühjagi ta jälgib. Nii kui sada meetrit eemale saab (kui üldse saab), lajatab täiega ja topelt. Punane „06“ on nagu Ferrari, mõlemad ainult kihutamiseks mõeldudki.

Aga võib-olla on asi kiiruseületamisest märksa tõsisem? Mohhovi torukesed on mul külgvankris alati olemas, võib-olla pani sell eelmisel õhtul tina pisut kauem kui vaja ja nüüd on kuhugi hilinemas. Mul on nii priske kliendiga aga aega küllalt!

Onku puhub ja päris hoolikalt. Klaasitorukeses oleva pulbri värv ei muutu aga karvavõrdki.

Noh, olgu, sai ühe palli tagasi löödud. Aga kiiruseületamine jääb ikkagi. Kahju ainult raisatud Mohhovi torukesest, neidki pole alati vabalt võtta.

Nonii, liigume aga süvitsi edasi. Kuhu kiirustasite ja milleks jne.

Tööle, kõlab roolis olnud sohvi vastus. Ja vaatab mulle seejuures nii siniste ja süütute silmadega otsa, et hakka või uskuma. Mõistagi surun tekkinud haletsuse kohe alla. Sellised vaevalt nüüd mujal töötavad kui vaid kusagil skeemitades ja kedagi peedistades. Nagu mõni mu üle-muski.

Võtame siis aega liiklushuligaani rahustamiseks. Uurime näiteks, kus selline vend ka töötab.

Kui osavalt miskit välja mõelda suudab. Mind juba ei peta. Näost näen ära, kas valetab või ei.

Ah et õpetajana töötab ja kiirustas tunde andma? No ei või olla! Õpetajatel pole üldse autosid. Nende palk on umbes sama suur kui militsionääridel ning autot saavad omada vaid need, kelle teinpool kas lihakarjast või komisjonipoes töötab. Oma õpetajast mehe on aga sellised kõrgepalgalised tavaliselt ammu maha jätnud.

Vannub ema nimel, et töötab ikkagi õpetajana. Ja üha süütumate siniste silmadega vahib mulle otsa. Meid kutsus ka üks õpetaja lapse tempude pärast homseks kooli. Mu võsuke saavat tolle õpetaja arvates iga jumala nädal mingi suvalise sigadusega hakkama. Naine delegeeris koolimineku kohustuse mulle, mis on samuti suurim ülekoos. Aga minna ilmselt tuleb, sest muidu viskavad poisid päriselt koolist välja. Õpetajad ei oska ju tegelikult lapsi kasvatada, aga ainult nende vanemaid karistada kasvatusküsimustese pealiskaudse suhtumise pärast.

Tuleb ilmselt soolane trahv sellele süütute silmadega ning põrniitsevale pedagoogile ära teha. Õpib teinekord liikluses käituma ja üldse pedagoogilistesse küsimustesse avarama vaatega suhtuma. Pedagoogid ei vääri haletsust.

Süütute silmadega õpetaja vannub, et see liiklusrikkumine on tal esimene kord elus. Usun ma seda! Kõigil, kes on endale kuidagi uue tehnilise talongi lubade vahele munserdanud, on see ikkagi esimene kord. Endal on kodus lauasahtlis eelmise talongi auguline kui hollandi juust. Valetab ka veel see pedagoog. Koban augurandade järele. Korraks jääb mu pilk ka nimel peatumata.

Ohhoo, nimed ei klapi!

Enne, kui jõuan midagi öelda, ulatatakse volitus ja kinnitatakse, et auto on tegelikult tema äia oma. Endal tal seda polevatki, kuna sõidab tavaliselt bussiga kooli. Seekord aga tegid äiaga koos mingit lisatööd ja hakkas tundi hiljaks jääma ning äi andnud siis kiiremaks kohale jõudmiseks oma auto kasutada.

Vähemalt usutav selgitus. Kadeduseuss pugus varju. Kui auto on äia oma, siis

pole asi nii ebaõiglane. Võib-olla halastaks ega mulgustakski noore pedagoogi piinlikult puhast talongi?

Aga ikkagi. Temasugune sõidab autoga. Mul on sõiduks vaid mootorratas, seegi ei kuulu mulle, vaid riigile. Naine iriseb kogu aeg, et tema sõbrannadel on mehed, kes suudavad osta vähemalt kasutatud „sapaka“, aga mina ei sedagi. Naine on suisa näriline, hammustab iga lausega hinge küljest tüki oma „sapakaga“. Aga vaata pedagoogi, temal on lahke äia auto istumise all! Peab vist ikka talongi ära rikkuma.

Pedagoog vatrab endiselt võimalikust tundi hilenemisest. Lisab justkui muuseas, et pärast peab veel füüsilis järelaitamistunde andma. Ja et lapsed ootavad.

Hm. Lapsed ootavad rõõmuga. Kui akadeemiline 15 minutit täis tiksus, võivad nad nelja tuule poole plagama pista. Nemat juba pedagoogi ootama ei hakka! Ah et füüsikaõpetaja? Ja minu poisil oli eelmisel veerandil füüsikas „kaks“...

Nii et füüsikaõpetaja, täpsustan liiklussituatsiooni. Võib-olla läheb minu poisilgi konsultatsioone vaja? Veeretan auguranda mõtlikult käes. Kümnekat siit niikuinii välja ei pigista.

Õpsid on samuti vaesed kui kirikurotid. Räägikski pedagoogiga siis haridus-

likust motivatsioonist ja jätaks trahvi seekord tegemata?

Noorel pedagoogil endal autot ka pole, ilmselt närib tema naine ta kallal samade probleemide pärast. Nii et ses mõttes justkui saatusekaaslased või sedaviisi? Panen auguraua taskusse tagasi. Vähe-malt esialgu.

Üht-teist tuleb siiski veel täpsustada. Usalda, aga kontrolli, on öelnud juba vanad targad inimesed. Ülemustest rääkimata. Need ei usalda meiesuguseid postimilitsionääre üleüldse, ainult kontrolliksid. Kõik ülemused on möl-kad.

Igaks juhuks tuleb noore pedagoogi töökohta täpsustada. Võib-olla saabki teda kuidagi ära kasutada? Talongi augustamine mind ju rikkamaks ega rõõmsamaks ei tee. Ja mõneti olen ju temaga saatusekaaslane. Meil on mõlemal töö, mis raha sisse ei too. Meil on mõlemal ilmselt samasuguste kalduvustega naine, kes aeg-ajalt närib hinge seest. Ja meil kummalgi pole isiklikku autot. Tunnen, et saatusekaaslus võib peagi haletsusväärseks vendluseks muutuda. Olen valmis noorukile tema lubasid tagastama.

Aga tehing tuleks ikkagi mingil moel ära vormistada. Las siis utsitab mu kahemehest ja ilmselt naise poolt halv-

ti kasvatatud poega päris inimeseks. Ja mina teeksin siis liiklushuligaanist hetkega eeskujuliku sohver-pedagoogi. Et millises koolis siis ka füüsikat õpetatakse?

Vaat sulle säh, et kohe minu poisiga samas koolis! Nojah, ega mina poisi kooliasjadega suurt kursis pole peale selle, et luban aeg-ajalt rihma pükstelt maha võtta. Teadagi milleks. Siis naine halab ja lubab, et ta on poisi kooliasjade järelevaatamisel edaspidi tublim. Kurat, ma ei kannata neid perelahinguid! Lohutan end mõttega, et ju sel füüsikaõpsil on ka kodumuresid lisaks kooli omadele niikuinii üle pea.

Ikkagi saatusekaaslased. Naeratan kaastundlikult.

Uurin igaks juhuks sedagi, mis klassidele mu poja koolis noor pedagoog ka tunde annab.

Tohoh, tuleb välja, et minu poja klassile ka! Järelikult oli poisil eelmise veerandi „kaks“ tema töö.

Õigemini tema tegemata töö. Õngitsen auguraua taskust välja. Uhiuude talongiserva ilmub raksatades justkui mingi närilise hammustatud auk. Seejärel jälgin kahjurõõmsalt erkpunase „06“ kaugenevaid tagatulesid.

Liiklushuligaansus peab saama karistatud, olgu muud mis on.

ЮЗЕФ ЛИВШИЦ

Бликие

Разбросало моих близких по планете.
Кто-то в центре оказался, кто-то с краю.
Их события не держатся в секрете,
Но, как дни у них проходят, я не знаю.

Стал сейчас мне близок телек неустанный,
В нем встречаются различные таланты.
Сквозь меня проходят путь непостоянный
Остающиеся в телеке мигранты.

Информация чарует и пугает.
Кто-то странствовать возьмет с собой по миру,
А другой в спектакле вновь напоминает,
Как нужны моей душе любовь и лира.

Спорт экранный – сбор заслуженных спортсменов.
Разве мало быть тебе большим хоккеем?
Можно преклоняться перед силой генов,
Но и силу воли оценить сумеем.

Персонажи о себе сообщают.
О телеперсонах много что известно.
Интервью о личном иногда дерзает
Делать для смотрящего личность интересной.

Время, что дано нам, грустно, коль конечно.
Бликих забирает поздно или рано.
В том числе и тех, кто был вполне сердечно
Близким человеком, даренным экраном.

Стихи

Черемуха

А у нас во дворе ароматы черёмухи.
Первый раз, первый день в этом тяжком году.
Маски носим еще, ищем, в чем наши промахи,
А черемуха снова в душистом цвету.

Маску быстро снимай, чтоб всю надыхаться.
Здоровей и крепчай, на дворе ведь весна.
Аромат здесь такой, что велит улыбаться.
Это запах хмельной, с ним кружит голова.

Старый двор в этот день на глазах изменился.
Хочет слыть молодцом, чтобы быть ей под стать.
Он глазами оконными в деву влюбился
Он готов ароматы вдыхать и вздыхать.

У капризной весны нет нутра постоянного.
То теплом обовьет, то отдаст себя льдам.
А черемухе что? Холод ей вроде званого.
Если в цвете она, значит, быть холодам.

Тут и радости время, оно же и скорбное.
Слишком быстро кончается у черемухи цвет.
Где-то будто дней десять. Все скупость природная.
Но зато скоро ночью брызнет северный свет.

Танго ночного города

Когда ночь спускается,
Город изменяется.
Окна угасают
Ночью в поздний час.
Так уже сложилось:
Если ночь явилась,
Силы отдыхают,
Не тревожа нас.
Сонные квартиры.
Времени пунктиры
Незаметно тают,
Погрузившись в тьму.
Виды сновидения,
Как реки течение,
Тихо уплывают
В комнатную мглу.

Есть места приметные,
Яркие и бледные.
По ночам нередко
Сход людской бурлит.
Пиво с белой пеной,
Блеск стриптизной сцены,
Бар, хватая цепко,
Веселясь, шумит.
Если так уместно,
Очень интересно
По ночному городу
День продлив, пройтись.
У архитектуры
Светятся фигуры.
Красота даст проводы
Взлету чувства ввысь.

Увидал прохожий
Свет в окне негожий.
Что там происходит
За ночным стеклом?
Ночь проходит разно:
То благообразно,
То заколбродит
Выпитым вином.
Свет пятнает штору.
Может, вызов «скорой»?
Или плач малышки
Маму разбудил?
Иль талант поэта
Жизнь дал сонету,
Что для новой книжки
Он во сне родил?

Если звезды светятся,
Хорошо бы встретиться,
Посидеть, обнявшись,
В парке на скамье.
Ты со мной, подруга.
Нет такого круга,
Где бы жил, оставшись
Кроме как в тебе.
Ночь зовут влюбленные,
Страстью возбужденные,
В красный плащ закручены
Таинства любви.
Время для признаний,
Пылких обещаний.
Взрывы чувств потушены
Шепотом в ночи.

Живой вопрос

Когда бесснежная зима,
Царит асфальта серость.
Как будто серость власть взяла,
Что ей давно хотелось.
Сложился долгий переход
От одного к другому,
Чтоб время двигалось вперед,
Как конь по ипподрому.

А если все-таки снега
Покроют все пространство,
То дух захватят чудеса
Из нового убранства.
Садов увидим белизну,
Сверкнет деревьев иней,
То радость заскользит по льду,
То храбрость на трамплине.

Но катятся за днями дни.
Вид снега утомляет.
Приелись выпадать пурги,
Сугробы жить мешают.
Там не проехать, не пройти,
Здесь тяжело пробраться.
Снегами льды занесены.
Их надо опасаться.

Тепло пришло бы поскорей,
Чтобы снега размылись.
Тогда б свободой новых дней
Весною насладились.
Вопрос назрел, чтобы задать:
«Стабильность иль свобода?»
О нем нельзя не размышлять,
Как над намеком года.

Интуиция

Сложившись в клин, они летят
Туда, где солнце греет.
Им не положен путь назад,
Пока мороз звереет.
Не нужен плановый расчет
И навигатор с картой.
Им интуиция дает
И путь, и время старта.

А я, как птица, в этот раз
Почувствовал влечение.
Взглянул, заметив ее фас,
И понял знак везенья.
Не то что девичьи черты
Магниты запустили.
Мне интуиции ростки
Решение вручили.

Взлетел и совершил полет,
Сомкнувшись с нею в строе,
Не зная, путь куда ведет
И что я там построю.
Она мне что-то обещать,
Возможно, собиралась,
Но мне неважно было знать
Прогноза даже малость.

Я в интуицию свою,
Давно поняв, проверил.
Я ей (открыто вам скажу)
Свой долгий путь измерил.
Она меня не подвела.
Как поступать учила.
Она мне верный путь нашла
И щедро наградила.

Куда исчезли воробьи?

Куда исчезли воробьи
Из парков, улиц, переулков?
Их песни больше не слышны
Среди потоков звуков гулких.
Когда-то в наш сонливый двор
Они будить нас прилетали,
Вели свой птичий разговор
И бойким нравом забавляли.

Казалось, что желаньем быть
Они наполнены до края.
Чтобы корма себе добыть,
Готовы драться, страх не зная.
Птенцам родители несли
К обеду разных насекомых.
Баланс природы берегли.
Пусть даже и в пределах скромных.

Герой киношный Воробей –
Пират Карибов оголтелый.
Хотя бандит он и злодей,
Но предприимчивый и смелый.
Бывает, нежности прилив
Непросто выразить словами.
Пиаф французы, полюбив,
Воробышком своим прозвали.

В одной стране по воробьям
Стреляли злобно из рогаток.
Убрали всех, но тут и там
Пришла растительность в упадок.
Комфорт нам химия дает,
Ее всевластью нет предела.
Но кто природы зов поймет,
Чтоб птичка снова прилетела?

Наследство

Из далекого южного города
Интернет мне доставил письмо.
Там сообщалось, что жить буду здорово
Оттого, что наследство пришло,
Что усопший делец из Нигерии
Завещал мне счета и дворцы.
Он владельцем был целой империи,
А во мне он не чаял души.

Позабыта беспечная молодость,
Бурных чувств фестивальна́й накал.
С той поры лет немало исполнилось,
А ведь след этих встреч не пропал.
Она сыну, рожденному в Африке,
Сочинила роман об отце.
Сын же, став королем наркотрафика,
Написал завещание мне.

Они с матерью вместе погибли,
Террорист подорвал самолет.
Но меня эти вести достигли
Лишь тогда, когда кончился год.
Адвокат, мне приславший сообщение,
Торопил: надо деньги платить.
Есть порядок в наследство вступления –
Без оплаты его не открыть.

Этих сказочек смысл бесчестный.
Примитивный мошенников ход.
Пусть разгневанный ангел небесный
Их за это в клочки разорвет.
Но с досадой теперь не расстаться.
Если б все бы случилось всерьез,
Я с долгами бы смог рассчитаться
И решить свой жилищный вопрос.

МИХАИЛ ПЕТРОВ

Интерес к теме проявился на фоне
любопытства к неформальной го-
родской топонимике. Большая часть
неформального ушла вместе с её но-
сителями, так что мне чаще попада-
лись более живучие истории. Некото-
рые из них я слышал ещё в детстве,
но значительная часть приобретений
относительно свежая.

Как это ни странно, но истории о
привидениях, призраках, барабаш-
ках и прочих неопознанных явлени-
ях редко становятся достоянием ши-
рокой общественности в авторском
исполнении, поскольку рождаются и
циркулируют в определённой соци-
альной и профессиональной среде.

В советское время такие истории,
ставшие достоянием общественно-
сти, рассказывали под большим се-
кретом. Разносчик слуха всегда имел
в виду реальную возможность однаж-
ды оказаться в дурке. Молчали лётчи-
ки и космонавты, наблюдавшие нео-
познанные летающие объекты. Риск
не пройти очередную медкомиссию
был слишком велик. Та же история
с медиками и военными — *profession
de foi* — исповедание веры, табу, в
нашем случае форма коллективной
профессиональной деформации: «Ну,
вы меня понимаете?»

Человек я православный и ни в ка-
кую оккультную хрень, астрологию
или приметы не верю: опрокинутая
солонка – это только солонка, чёрный
кот — это только чёрный кот, пятни-
ца 13-е — это только пятница, конфи-
гурация планет — это только небес-
ная механика, никакого физического
воздействия на нашу жизнь не имею-
щая. Я не теолог и не священник и не
моего ума это дело, но бесовщину я
всё же признаю.

Красавицы

Не каждой девочке дано
Красавицей на свет явиться
И этим даром насладиться,
Когда уж много лет прошло.
Не каждой женщине даны
Внимание и восхищенье,
Ей, как богине, преклоненье
И свет сияющей звезды.

Влиянья силы красоты
Сердца мужские разрывает.
Оно на подвиги толкает
И к преступлениям влечет.
То жарким солнцем разольется,
То ночью в плен себе возьмет.
Внезапно бурей пронесется,
А утром радугой придет.

Мброк: призраки и привидения

Как минимум два раза в жизни я
попался на бесовские проделки. При-
чём оба раза на католическое Рож-
дество – 24 декабря. В первый раз,
покидая Ригу по Бривибас, попал в
лёгкий снегопад и часа через полто-
ра вместо границы въехал обратно в
Ригу, но уже с противоположной сто-
роны.

И ведь по дороге в Ригу было мне
предостережение: зима была бесс-
нежная и за Пярну на чёрном льду
я вылетел с дороги. На машине ни
царапины. На обратном пути ровно
на том же месте, но уже на мокром
снегу, обгонявшая меня фура сдула
Datsun Cherry в кювет. И вновь ни
царапины. Только внезапное обле-
чение, а потом страх. Так что в эфир
«Радио Таллинн», куда я так торо-
пился в тот вечер, я не попал. Зано-
чевал на выезде из Риги, употребив
без малого бутылку коньяка в целях
подавления беспокойного глиссандо
новых мироощущений.

В другой раз рано утром съёмочная
группа ЭТВ в Берлине погрузилась в
поезд до Санкт-Петербурга. В Литве
наш вагон должны были отцепить от
поезда и перенаправить в Ригу.

На радостях мы пошли проедать
остатки сырокопчёной колбасы под
ресторанский омлет и коньяк. За сто-
лом к нам присоединился немец-сту-
дент лет двадцати в круглых очках с
весьма приличным русским языком,
и мы забыли обо всём. Наконец, одна
из трёх девиц решила отдохнуть в
купе. Через несколько минут верну-
лась трезвая и объявила, что наше-
го вагона нет. И проводницы нашей
тоже нет. Успокоили, как могли, от-
поили коньяком и она снова пошла в
купе.

Блеск красоты – дорога к счастью.
Но и проблемы тут как тут.
Дуэли, ревность, тяжесть страсти
К ней пролагают свой маршрут.
Невольно мысли возникают:
Дурнушкой, может, лучше слыть?
Когда дни тихо протекают,
То счастьем не запретно быть.

Однажды как-то в день счастливый
Она к друзьям своим придет,
А там как доброй, умной, милой
Ей парень песню пропоет.
Он полюбил ее за душу,
У ней своя есть красота.
А девушка так будет слушать,
Что скажут все ее глаза.

Вернулась в ужасе: наш вагон отце-
пили ещё в Литве, скоро последняя
станция в Латвии, а дальше – гра-
ница и Россия. Исчезновение бесён-
ка-немчика никто не заметил, зато
через десять минут мы оказались на
улице, кто в шлёпанцах на босу ногу,
а кто в спортивном костюме на голое
тело.

И вот 24 декабря, время – около
полуночи. До Риги далеко. Лёгкий
снежок. Вокруг тьма египетская. И
только над платформой поскрипыва-
ет жёлтый фонарь. Денег и докумен-
тов нет. Тихонько так и с присвистом
хлопают сразу три девичьи носопыр-
ки. Грустно.

Бесовщина чистой воды!

А ещё есть такое явление какодемо-
номания — древнее греческое *κῆρός*,
т.е. злой дух или демон и *μανία* —
страсть, безумие. И это отнюдь не
устаревшее понятие, как считает со-
временная психиатрия. Люди веру-
ющие понимают, и вы не услышите
от них ни укора, ни насмешек, хотя
относительно достоверен лишь один
факт — подпись дьявола на договоре
с аббатом Грандье. При кардинале
Ришелье аббат обвинялся в сноше-
ниях с дьяволом. Дело было громкое.
Договор, хранящийся в Парижской
библиотеке, подписан Люцифером,
Левиафаном, Вельзевулом и ещё па-
рочкой низших демонов. За досто-
верность документа не поручусь, но
иронизировать по этому поводу тоже
не буду.

Поэт Игорь-Северянин преклонялся
перед гением рано умершей поэтессы
Мирры Лохвицкой, а ведь у неё был
свой пунктик — какодемония, ей
во всём чудились бесы. Между тем

стихи Мирры прелестны, а драма в стихах «Бессмертная любовь» — это готовый, тщательно разработанный сценарий для фильма ужасов в готическом стиле. В финале героиня умирает под пытками любимого мужа, но прежде, тоскуя по нему, она обращается к тому, кого и поминать-то вслух не следовало бы:

*Как высоки, как узки наши окна!
Как здесь темно и тускло, и мертво!
О, что за жизнь! И сколько слез пролило,
И сколько дней бесследно отошло.
Иль это солнце, робкое над нами,
Могло светить и зреть лишь в те года —
Свободные, свободному народу?
Для нас оно в туманы облеклось,
И нет тепла в глубоком нашем склепе.
О, если бы сам дьявол пожелал
Мне предложить забвение за душу —
Я подписала б кровию моею
Тот договор. Забвения! Счастья, счастья!
Один лишь миг — и душу за него!*

Преданий много, но среди них лишь одно относительно достоверное. Реформатор католической церкви Мартин Лютер год скрывался в замке Вартбург и провёл его в одиночестве, религиозном экстазе и ночных молитвах. Ему неоднократно являлся сам дьявол в образе блуждающих огней, чертёнка или свиньи. Лукавый даже подкладывал в постель ореховую скорлупу, чтобы лишить Лютера сна. А под утро мог запросто спустить по ступеням лестницы забытое ведро или что ещё. Конечно, не искушение в пустыне, но...

Вообще-то говорят, что дьявол — приятный собеседник, но Лютеру он не понравился, и однажды, крайне раздражённый назойливостью мёртвика, реформатор запустил в чертёнка чернильницей. Позже в комнате был устроен музей. Любопытствующим показывали периодически появляющиеся на стене чернильное пятно. В 1712 году Вартбург посетил знатный русский путешественник Пётр Алексеевич. Царь обследовал кляксу и даже потёр её слонявым пальцем. В книге посетителя можно прочесть: «Чернила новые, и совершенно сие неправда». Впрочем, я не вижу ничего дурного в том, что интерес к психическому состоянию реформатора церкви подогревают с помощью дьявольской уловки. Чертёнок не обещал Лютеру все царства мира, но реформация — это очевидное зло — получила широкое распространение в Европе и многих тогда ввела в искушение и соблазн.

Я не верю в инопланетян, но охотно допускаю, что существуют многочисленные и разнообразные неопознан-

ные летающие объекты — UFO, на которых спекулируют все кому не лень. Однако опознайте, тогда и поговорим предметно, а пока — увольте! Мёртвики — визуальные, слуховые, тактильные и даже цифровые — это тоже неопознанные явления, объяснить которые единственно бесовщиной было бы неосторожно. Или скажем так: не вполне научно.

Неопознанные явления в виде привидений и призраков — тема, которая будоражит воображение и не устареет тысячелетиями. Следует, однако, различать собственно призраки и привидения. Хотя то и другое — марá, манá, мёртв, блазн, но всё же есть тонкое, едва уловимое различие. Призрак — не всегда привидение. Собственно, призрак — это обманчивое видение, визуальная конструкция, если хотите, *déjà vu* или *fata Morgana*, словом, мираж — рефракция места или реального события, состоявшегося в прошлом или происходящего сей момент за горизонтом на другом краю земли.

Таковы, например, видения воды и оазисов в пустыне или призраки солдат, появляющиеся на местах сражений. В Британии это вообще распространённое явление. Древние римляне заняты своим делом: маршируют по дороге, разбирают биваки, совершают манёвры или сражаются на поле брани. При этом они совершенно не обращают внимания на британскую жизнь. Внятных научных объяснений феномену нет.

Рассказывают, что в последнее время в Старом городе на закате стал появляться призрак невысокого чернокожего человека. Стоя в Комендантском саду, он снизу вверх смотрит на собор Александра Невского, потом выходит на улицу и прикасается рукой к стене дома ревельского коменданта. Постояв немного, спускается на площадь и пропадает в людском потоке. Видевшие чернокожего незнакомца не берутся описать его лицо и одежду. Сходятся на том, что он слегка напоминает экстравагантно одетого туриста.

Есть предположение, что это призрак Абрама (Ибрагима) Петровича Ганнибала — знаменитого арапа Петра Великого, прадеда поэта Александра Пушкина. Императрица Елизавета Петровна назначила генерал-аншефа Ганнибала комендантом Ревеля. Призрак стал являться после того, как с фасада комендантского дома исчезла табличка с его именем. На том месте, где призрак прикасается рукой к стене, остаётся едва заметный след. Тень Абрама Петровича не склонна к общению с горожанами. Скорее всего, это классический призрак: тень обиженного коменданта города тихо напо-

минает о своих исторических правах. Горожанам все арапы на одно лицо — кто только не шатается нынче по городам и весям Европейского Союза!

Ещё совсем недавно я полагал, что городские туалеты — это история, которая уведёт нас далеко в сторону от основной нити повествования. Но вот мне рассказали, что под стеной Ратуши завёлся хулиган, который по вечерам справляет малую нужду у входа в теперь уже бывший общественный туалет. История анекдотическая, и тем не менее. Писуну пытались изловить, но тщетно: уходил от полиции как вода сквозь пальцы. Так продолжалось некоторое время, пока полицейские не сообразили, что хулиган не оставляет после себя полагающуюся в таких случаях лужу. Гоняться за призраком перестали.

Привидение — это призрак, независимо от его формы, ассоциирующийся с покойником, чья душа по какой-то причине застряла в мире живых. Привидение всегда стремится завладеть нашим сознанием и чувствами на визуальном, вербальном или тактильном уровнях: напугало, дохнуло холодом, коснулось, воззвало к мщению, позвало за собой, указало на убийцу или на тайник с кладом.

Самый впечатляющий литературный пример — тень Гамлета-старшего, вдохновившая Гамлета-младшего на кровавую резню в Эльсиноре, в главном замке прогнившего датского королевства. Тень (привидение) визуально завладевает вниманием принца Гамлета и вступает с ним в вербальный контакт, мотивируя принца к совершению жестокого поступка — мести. Казалось бы, привидение и его трубный глас должны были пробудить всех обитателей замка, но его видит и слышит только Гамлет. В целом вполне достоверное литературное описание явления.

Избирательность общения — это свойство, присущее только привидениям, причём если явление выбрало вас, то от общения с ним практически невозможно уклониться. Это и есть синдром принца датского: явление нематериального характера, оно не может физически воздействовать на окружающий нас мир, говорить или веять холодом, с ним вообще невозможно никакое общение. Но свидетели слышат голоса и чувствуют изменение температуры, хотя, возможно, это лишь игра воображения.

Швейцарские учёные установили, что мозг человека создаёт общее самовосприятие из нескольких репрезентаций тела в пространстве. Если на процесс самовосприятия влияет болезнь, чрезмерная усталость или

стресс, то какие-то из этих репрезентаций мозгом не воспринимаются. Потерянную репрезентацию человек воспринимает как нечто постороннее, как привидение. Научнообразное объяснение, которое ничего по существу не объясняет. Однако во избежание параноидальных проявлений следите за репрезентациями своего тела в пространстве.

А вот и свежая история. Был в Таллине пивной ресторан «Karja kelder» — крутая лестница в каменный сводчатый подвал, тяжёлые гранитные столешницы, пиво, поджарка. До ресторана здесь была грязная пивнушка, именовавшаяся в народе «Подводной лодкой», в которую интеллигентные товарищи ходили, предварительно оглядываясь. В начале 70-х служил в ресторане официант по имени Виктор, который никогда не давал сдачу — «А на сдачу я станцую!» Объяснение наглости было такое: служба в армии, Виктор поссорился с кем-то из товарищей, и во время прыжков ему перестегнули лямки на парашюте. Запасной парашют удалось раскрыть перед самой землёй, но месяца через три неадекватного бойца комиссовали. К странному официанту привыкли, и связываться с ним никто не хотел. Я рассказал о нём на Facebook, и мне в ответ прислали историю. Как-то воскресным днём (время суток неизвестно) семейная пара шла по улице Карья. Около бывшего ресторана «Karja kelder», на корточках, у стены — попрошайка с протянутой рукой. Мужчина, не глядя, высыпает в его ладонь горсть мелочи из кармана, а за спиной раздаётся звон монет, просыпавшихся на брусчатку. И никого. Пусто, и спрятаться негде.

Призрака может увидеть каждый, если будет внимателен и открыт к восприятию окружающей реальности. В силу неясных причин привидения — это почти всегда ночные твари, — это время как призраки обожают утреннюю или вечернюю зарю. Часто это время до восхода солнца — уже не тьма, но ещё и не свет, или время сразу после захода солнца — сумерки перед наступлением тьмы.

Таллиннский фокус состоит в том, что период наибольшей активности призраков приходится на период с конца апреля по конец июня, т.е. на белые ночи. Призраки не любят жаркую погоду, дождливую осень и короткие зимние дни. По всей видимости, марá — наваждение, обман чувств, наконец, романтическая грёза — чувствительна к температуре воздушной среды и к её оптическим свойствам.

И вот вам история про призрака. Свидетеля событий, увы, уже нет в живых так что подробностей кот наплакал.

Был тёплый майский вечер в самом начале шестидесятых годов минувшего века. По улице Пикк из министерства внутренних дел в сторону Ратушной площади в лёгком праздничном подпитии и в отличном настроении шёл некий милицейский подполковник. На балконе дома № 19 он увидел группу людей, приветствующих редких прохожих. В группе подполковник безошибочно опознал известного эстонского коммуниста Йоханнеса Лауристуна — относительно молодого человека с курчавой шевелюрой и в круглых очках, похожего на бюст любопытного аптекаря с крыши соседнего строения. О том, как это происшествие всплыло, история умалчивает. Официального хода делу не дали, но министерского подполковника куда-то задвинули от греха подальше.

Между тем у меня нет сомнений в том, что спустя двадцать лет после гибели Йоханнеса Лауристуна подполковник видел именно его, хорошо знакомого по официальным портретам. А Жданова и остальных он просто не узнал. Чтобы лучше понять сопутствующие таинственному происшествию обстоятельства, нужно чуть ближе познакомиться с биографиями временных постояльцев постпредского комплекса на улице Пикк. Никого из них давно нет в живых, но все они покинули этот мир при весьма странных обстоятельствах. Однако даже стёртая человеческая жизнь, чего-нибудь да стоит.

Первым номинальным советским постпредом в Эстонии после заключения Юрьевского мирного договора стал Николай Клышко, однако уже 11 февраля 1920 года обе должности —

Слева направо: секретарь ЦК КПЭ по пропаганде Неэме Руус, секретарь ЦК КПЭ Йоханнес Лауристуна, первый секретарь ЦК КПЭ Карл Сяре, член политбюро ЦК ВК(б)П полномоченного правительства СССР в Эстонии Андрей Жданов и постпред СССР Владимир Бочкарев на балконе постпредства приветствуют шестие трудящихся. Таллинн, 21 июня 1940 года.

постпреда и торгпреда — были переданы хроническому сифилитику Израилу Гуковскому. Гуковский начал свою бурную торгово-представительскую деятельность с широкой распродажи «бриллиантов для диктатуры пролетариата». Считается, что на его личных банковских счетах оседали гигантские суммы в валюте.

В ноябре 1920 года Гуковский был отстранён от должности и отозван в Москву, где должен был предстать перед следствием. На его место 26 декабря 1920 года был назначен Максим Максимович Литвинов (Мейер-Генех Мовшевич Валлах). В начале 1921 года Гуковский внезапно заболел и скоропостижно скончался от воспаления лёгких. Был слух, что его отравили по приказу Сталина, чтобы скрыть масштабы казнокрадства.

В книге воспоминаний «Среди красных вождей» Георгий Соломон (Исецкий) записал, что Гуковский после своего отстранения от должности в феврале 1921 года занимал в отеле небольшую комнату, в которой работал над своим отчётом, а «затем он уехал в Москву и исчез из поля моего зрения». Считается, что Гуковский умер в Ревеле, а вот где он похоронен — в Эстонии или в России, — тайна. Забавно, что в официальной биографии Гуковского отсутствует дата смерти — он просто умер и всё. В интернете можно прочесть, что Гуковский умер в мае 1921 года и даже в сентябре. А если не умер? А если умер в другом месте и в другое время? Более подходящего финала земной жизни для привидения Израила Менделевича Гуковского трудно и придумать.

Денги и бриллианты Гуковского исчезли, но есть легенда о том, что никаких заграничных счетов, кроме текущих, у него не было, зато были многочисленные тайники в подвалах и на чердаках постпредства, которые не разысканы до сегодняшнего дня. Так что Гуковский — первый из кандидатов на роль привидения, охраняющего свои несметные сокровища в доме № 19 по улице Пикк и пугающего российских дипломатов.

Литвинов, хотя и по свежим следам, но всё же безуспешно пытался разыскать заграничные счета и зачатки Гуковского в тайниках. Где именно он искал, нам неизвестно, да только в то время постпредство располагалось в гостинице «Санкт-Петербург» (ныне угол Ратаскаеву и Дункри). Кабинет и покои Гуковского — два плюс два окна на втором этаже в угловой части здания. Есть, однако, обоснованные сомнения в том, что Гуковский хранил свои бриллиантовые зачатки в здании отеля. Скорее всего у него была

оперативная жилплощадь в Старом городе. Её-то и нужно искать, если она сохранилась, а не сгинула в мартовской 1944 года бомбёжке Таллина. Исчезнувший навсегда комплекс зданий по улице Харью располагался в непосредственной близости к отелю — удобство квартиры-тайника очевидно, если, конечно, значаками в своё время не распорядилась эстонская разведка. Кстати, Литвинов единственный из довоенных российских постпредов в Эстонии, кто умер в собственной постели от старости.

Следующим постпредом был назначен Леонид Николаевич Старк, сын обер-аудитора штаба начальника Тихоокеанской эскадры адмирала Николая Николаевича Старка. Он был натурой тонко организованной, любил поэзию и поэтов. Сергей Есенин посвятил ему стихотворение «Небесный барабанщик». Похоже на то, что Старк ещё застал золотовалютный с бриллиантовым отливом ручеёк «для диктатуры пролетариата», потому и кончил плохо.

Судьбы постоянных представителей в Эстонии, каждый из которых может претендовать на роль привидения дома № 19 по улице Пикк, приведены далее в соответствии с хронологией репрессий.

Восьмой постпред Адольф Маркович Петровский сгинул в 1934 году в Венгрии при загадочных обстоятельствах: однажды утром он не вышел на службу, и никто его больше не встречал. Седьмой постпред Михаил Вениаминович Кобецкий в 1937 году отозван из Греции в Москву, арестован и 28 апреля 1937 года расстрелян. В 1937 году арестован четвёртый постпред Леонид Старк и 15 сентября расстрелян в Тбилиси. Одиннадцатый постпред и единственный среди них дворянин Алексей Михайлович Устинов скоропостижно скончался в Таллинне 26 сентября 1937 года при невыясненных обстоятельствах. Первый постпред Николай Клышко был арестован в 1937 году и 9 октября расстрелян в Москве. Девятый постпред Александр Григорьевич Гамбаров расстрелян 12 ноября 1938 года. Десятый постпред Фёдор Фёдорович Ильин (Раскольников) в 1938 году бежал с семьёй в Париж, откуда написал открытое письмо Сталину «Как меня сделали «врагом народа». 12 сентября 1939 года в Ницце (по другим сведениям, в Марселе) при невыясненных обстоятельствах Раскольников выпал из окна гостиницы и разбился насмерть. Двенадцатый постпред Кузьма Николаевич Никитин был освобождён от должности 6 июня 1940 года и немедленно пропал без вести. Шестой постпред Юрий

Владимирович Мальцев арестован и 28 июля 1941 года расстрелян.

Тринадцатый (!) постпред Владимир Борисович Бочкарёв погиб 28 августа 1941 года на затонувшем в бою крейсере-миноносце «Володарский», который подорвался на плавающей мине. Вместе с Бочкарёвым погиб председатель СНК ЭССР Йоханнес Лауристин. По другим сведениям, Лауристин погиб на крейсере-миноносце «Яков Свердлов». По всей вероятности, милицейский подполковник вместе с призраком Лауристина видел на балконе Пикк, 19 и призрак Бочкарёва.

Среди репрессированных постпредов в Эстонии большой процент так называемых востоковедов. А. Гамбаров — ректор Московского института востоковедения им. Нариманова. Л. Старк работал постпредом в Грузии, Афганистане и уполномоченным НКВД СССР при СНК ЗСФСР. Н. Клышко — постпред в Китае. Ю. Мальцев — консул в Кобе (Япония) и в Сеуле (Корея). Раскольников — постпред в Афганистане и заведующий Восточным секретариатом ИККИ — Исполкома Коммунистического Интернационала. М. Кобецкий — постпред в Греции и Албании. А. Устинов — уполномоченный НКВД СССР при СНК Грузинской ССР.

Впрочем, возможно и другое объяснение: всех их связывала работа в Эстонии — валютно-бриллиантовый трафик. Все они, так или иначе, причастны к незаконной продаже золотовалютных запасов Российской империи.

У подножия известнякового глинты в начале нынешней оживлённой трассы Лаагна, связавшей центр города с районом Ласнамяэ, некогда располагались три примечательных объекта городской инфраструктуры: мыловаренный завод, старый зоопарк и новое здание городского Управления внутренних дел МВД ЭССР, отдалённо напоминавшее своим видом ступенчатую пирамиду фараона Джосера. Про мыловаренный завод ходили слухи, что таллинское мыло такое нежное и ароматное, потому что его делают из трупов экзотических животных — зоопарк и завод имели общий забор. А совсем рядом на Тартуском шоссе точно так же через забор соседствовали целлюлозно-бумажный комбинат и ликёро-водочный завод, что давало повод к слухам о том, что местную водку гонят из отходов целлюлозы, то есть опилок. Со стороны Кадриорга линейку замыкал ещё один объект, как будто напрямую с нею не связанный, но сыгравший в истории СССР свою роковую роль.

Линейка исчезнувших достопримечательностей и по сей день хранит несколько исключительно местных мёртвых.

Сначала исчезли старый зоопарк и мыловаренный завод. Потом у подножия глинты построили здание городского Управления внутренних дел («Лубянку»). Некогда окна моего кабинета в Морском РОВД выходили на тот самый парфюмерно-зоологический пятачок. Расчищая место для «Лубянки», ликвидировали пользовавшуюся успехом у горожан, обнесённую забором пивнушку-автопоилку «Зоопарк». Бросаешь в щель двугривенный и получаешь 200 граммов пива, две монеты — почти полная кружка плюс место под мерзавчик. Известно: водка без пива — деньги на ветер!

У «Зоопарка» тоже была своя предыстория. Там, где трамвай, спускаясь с улицы Маяка, поворачивает на Тартуское шоссе, на углу улицы Лубья некогда была остановка и рабочий тупик трамвайного депо, но, главное, там была маленькая пивнушка. Поднимаясь в пивнушку по короткой открытой лестнице, посетитель попадал на небольшую площадку, обнесённую металлическими поручнями, что придавало объекту сходство с капитанским мостиком, зафиксированное в неформальном топониме. Проезжая мимо, можно было засечь на «Капитанском мостике» приятеля и успеть выскочить из трамвая. А бывало так, что тебя самого высмотрят на «мостике» и придёт твой черёд угощать приятелей.

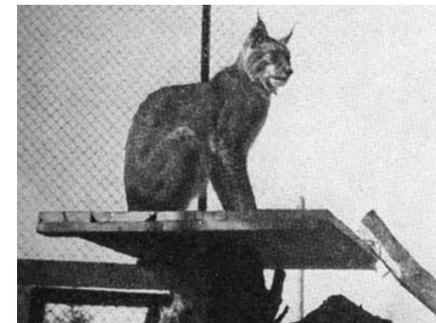
Капитанский мостик. 1960-е годы

Город много потерял, когда из «мостика» сделали цветочный магазин, а на его задворках построили «Зоопарк». Именно «Капитанский мостик» со стороны Тартуского шоссе открывал линейку артефактов, выстроившихся вдоль единой оси. Осиротевший «Капитанский мостик» стал интересен тем, что в лучах заходящего солнца на нём можно было увидеть силуэт человека в фуражке с короткой трубкой в зубах. Если очень повезёт, то над трубкой можно было

разглядеть дымок. Потом капитанский мёртв пропал на два десятка лет и появился вновь, когда остановку трамвая перенесли в другое место и пятачок под мостиком обезлюдел. Разглядеть капитана можно было только из трамвая, который там больше не останавливался.

Когда начали строить Лаагна тез, то первым делом взорвали огромный гранитный валун, замыкавший линейку со стороны Кадриорга. Он лежал на своём месте ещё со времён последнего оледенения и охранялся государством — советским. Потом, когда ликвидировали «Лубянку», на её месте некоторое время был унылый, ничем не примечательный пустырь, на котором часто видели человека в фуражке. В сумерках из окна машины или из трамвая было не разобрать, кто это — морской капитан или мент из горуправы. Он нагибается и как будто что-то ищет на земле. Не найдя, раздосадовано машет рукой. Теперь и пустыря нет, сплошная новостройка.

Поговорите с автомобилистами, чей путь по утрам лежит из Ласнамяэ в центр города. Кто посмелее и не боится насмешек, расскажет вам, что на повороте с Лаагна тез в сторону улицы Гонсиори перед восходом солнца на обочине дороги можно видеть большую кошку, похожую на рысь. Кошка сидит и смотрит на дорогу. Остановиться невозможно, а в зеркало заднего вида уже ничего разглядеть нельзя — крутой поворот. Когда в 2015 году я написал книжку о местных мёртвых, для меня это была просто рысь. Историю этого мёртвого я узнал случайно, когда шесть лет спустя заинтересовался подробностями мартовской 1944 года бомбёжки Таллина. Оказывается, перед войной то ли шведы, то ли финны подарили таллинскому зоопарку рысь по кличке Илу. Несчастная рысь стала одной из жертв мартовской бомбёжки. Такая вот грустная история. Не все жертвы той жуткой ночи известны поимённо, а вот как звали рысь и её призрак, мы теперь знаем.

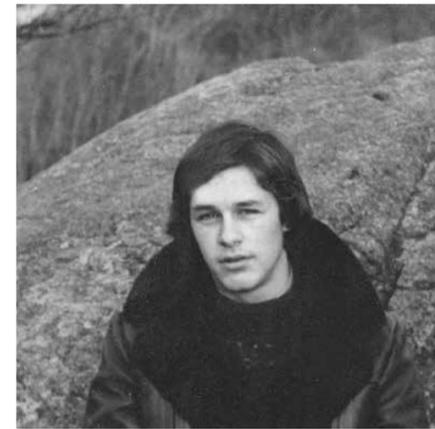

Старый зоопарк. Рысь Илу. Довоенное фото.

А ещё мне рассказывали, что на этом перекрёстке летом отчётливо пахнет мылом. Почему летом? Потому, что окна в машинах открыты. А ещё потому, что мёртвы на этом месте словно специально выдуманы для автомобилистов.

Поинтересуйтесь у тех, кто ежевечерне возвращается в Ласнамяэ, и вам расскажут, что в сумерках после светофора на крутом повороте поперёк дороги внезапно появляется большой гранитный валун. Проносьте сквозь него, водители не успевают даже испугаться, а в зеркале заднего вида только свет чужих фар.

У этой истории есть своя мораль. Советское государство охраняло гранитный валун, валун охранял государство. Государство сломало валун, а вскоре не стало и самого государства.

Автор на фоне охранявшегося государством валуна. Конец 1970-х годов

Памятник Петру Великому работы скульптора Леопольда Бернштама был открыт в Ревеле на Петровской площади 29 сентября 1910 года к 200-летию юбилею капитуляции города в ходе Северной войны. Бронзовый Пётр простоял в центре Таллина до 1 мая 1922 года, когда был демонтирован абorigенами в наказание за покупку Эстляндии у шведской королевы. Монумент свезли в Екатеринбург, и какое-то время он лежал на телеге под стеной бани Петра. После разделки туши из рук и торса отлили памятник эстонским школьникам, принимавшим участие в Освободительной войне 1918–1920 годов. И эти руки оккупанта сгинули во время германского нашествия. Бюст Петра некоторое время стоял почти напротив президентского дворца. Из чресл, огузка и ног отчеканили пореформенные сенты. Денежная реформа удалась, и в народе шептались, что ноги Петра снова ходят по Эстонии. Злые языки мрачно шутили, что вместе с императорскими ногами по

стране передвигается и задница Его Величества, а посему в стране всё происходит через жопу. Так что и сегодня ещё, покупая в антикварном магазине эстонские сенты 20-х годов, вы приобретаете частицу ног или задницы Петра Великого. Это кому как нравится.

О том, что рано поутру ноги бронзового Петра ходят вокруг домика и по церемониальной площадке у президентского дворца, я слышал давно. Зачем ходят? Наверное, ищут торс и голову. Часовые у парадного подъезда вздрагивают и настораживаются, едва слышав в утреннем тумане тяжёлую бронзовую поступь. Вообще это довольно странное явление мёртв в виде слухового наваждения. Вроде как и не призрак, и не привидение, а так — мрачная слуховая галлюцинация, точнее даже тактильная. А всё потому, что сами шаги как будто и не слышны, но чувствуешь, как от них содрогается земля и асфальт. Порой мёртв столь отчётлив, что дрожь ощущается по всему Ласнамяэ. Не удивляйтесь, если рано утром в кухне на кухне вдруг звякнут стаканы.

На сладкое история из 70-х годов, которая проросла в день сегодняшней: органы (не внутренние — другие) поймали людоеда: то ли повара, то ли официанта, который хранил дома или в рабочем холодильнике человеческую печень. Разговоров было много, но все какие-то пустые, без деталей и подробностей. Запомнилось, что сначала людоед был поваром в ресторане гостиницы «Palace», а свинтили его, когда он работал официантом в каком-то кафе в Мустамяэ. И в этой детали была своя логика: при советской власти официант зарабатывал много больше повара. Как такая информация просочилась из органов на городские кухни, даже не спрашивайте. Прошло 30 лет, и вот мне рассказывают, что в отеле «Palace» в ресторане на верхнем этаже творятся странные вещи: по ночам в кухне слышны шаги и хлопанье дверей. По утрам двери холодильника находят открытыми. На полу валяется замороженная печёнка...

Молодая дама, рассказавшая мне эту историю, происхождение имеет из девятых, и, разумеется, ничего не знает о таллинском людоеде из семидесятых. Рассказываю ей свою — страшную половину истории. Спрашивает в ужасе: а что теперь делать? А я ей серьёзно так: не дразните его сырой печёнкой! Хохочет. С юмором всё в порядке.

Официальная история города академически мертва. Неофициальная — полна жизни, приключений и тайн. Истории никогда не заканчиваются.

Между Сциллой и Харибдой

Книга Владимира Пооля – о трагической истории президента Эстонии Константина Пятса, отправленного в ссылку в Башкирию после присоединения страны к Советскому Союзу. Книга по-своему уникальна. Она построена на секретных документах наблюдательного дела Пятса НКВД и написана, что почти невероятно даже для нашего невообразимого времени, одним из руководителей эстонского КГБ полковником Владимиром Поолем.

Константин Пятс – значительная фигура в эстонской истории. Родился в 1874 году, мать – русская. Сам он – православный, профессиональный революционер, боровшийся за свободу страны и побывавший в царских тюрьмах, участник революции 1905 года. [...] С 1921-го по 1934 год был государственным старейшиной, то есть премьер-министром и главой государства. В марте 1934 года, опираясь на вооруженные силы страны, совершил государственный переворот, объявил чрезвычайное положение, запретил все политические партии и ввел цензуру прессы, тем самым предотвратив приход к власти политических сил, ориентированных на Германию. [...] В 1938 году был избран президентом Эстонии, которая оказалась в водовороте международных потрясений и интриг между Англией, Германией и Советским Союзом.

Пятс пытался маневрировать между Сциллой и Харибдой, пошел на предоставление СССР военных баз, однако в июне 1940 года в Эстонию вошли советские войска, и президент страны вместе с сыном был депортирован в глубинку СССР – Башкирию. Пятса, его сына с женой и детьми и бонну поселили в отдельном особняке в Уфе, обязали еженедельно регистрироваться в местном НКВД, обложили наружным наблюдением, начали активно разрабатывать и подводить агентуру. Разумеется, ссыльные были недовольны своим положением. [...]

Бывший президент Эстонии не скрывал своего негативного отношения к советской власти, особенно к колхозам, и постоянно повторял, что в случае войны Германия моментально разгромит Советский Союз. После гитлеровского вторжения в СССР 22 июня 1941 года Пятса и его спутников из «золотой клетки» перевели в тюрьму, удивительно, что в военных условиях их не расстреляли, как многих советских заключенных.

Из личного дела Пятса видно, что главная задача НКВД состояла в получении от фигуранта сведений об агрессивных планах иностранных разведок, направленных против СССР с территории Эстонии. [...]

В середине войны якобы в связи с болезнью Пятса перевели в тюремную психиа-

трическую больницу НКВД в Казани. Уже в то время этот «вегетарианский» метод борьбы с явными антисоветчиками был взят на вооружение органами безопасности, в этом заведении, кстати, «лечили» и оппозиционерку В. Новодворскую.

В декабре 1952 года бывший президент был переведен в психиатрическую больницу имени Литвинова в поселке Бурашево под Калинин (Тверь), в отдельную палату № 2. Очевидцы утверждают, что он находился абсолютно в своем уме, хотя был худ и изможден, медицинский персонал оказывал ему внимание. Вскоре умер вождь народов, расстреляли Берия, а затем – и «начальников» в деле Пятса: наркома В. Меркулова и главу следственной части Л. Влодзимирского. Начались хрущевские чистки органов и реабилитация многих националистов, включая бандеровцев. Понятно, что Пятса это не коснулось: власти опасались, что возвращение в Эстонию столь значительной фигуры вызовет нежелательное смятение умов. 18 января 1956 года бывший президент Константин Пятс тихо скончался и был погребен в Бурашево. [...]

Константин Пятс – выдающийся сын эстонского народа, крупный государственный деятель, смелый и решительный политик, яростные споры о котором не умолкают по сей день. Жизнь сбрасывала его с самых верхов на самое дно, на фоне его жуткой судьбы меркнут персонажи шекспировских трагедий. «Что станет с нами (с руководителями), не имеет значения, – говорил Пятс в 1940 году, – главное, чтобы сохранился эстонский народ».

Михаил Любимов, в прошлом – полковник внешней разведки, кандидат исторических наук, писатель, публицист

Трагическая судьба Пятсов

О жизни и деятельности первого президента Эстонской Республики Константин Пятса до 30 июля 1940 года, то есть до его административной высылки вместе с семьей в Башкирию на поселение, написано много, сохранились кадры кинохроники и его радиовыступления того времени. После высылки президент прожил еще более пятнадцать лет. Где он был, чем занимался, о чем думал?

О чем размышляет, что переживает человек вдали от родины? Человек, много сделавший для своего народа, в прошлом, еще при царизме, заочно приговоренный к смерти, прошедший почет и славу государственного деятеля самого высокого ранга, но в душе оставшийся крестьянином, зачисленный на чужбине в странную категорию «бывшие люди вне подданства»

и в трезвом уме сосланный доживать последние годы жизни в закрытой психиатрической больнице?

Интерес к таким людям велик. Пятс – крупная личность со своими достоинствами и недостатками, он занимает в истории свою нишу. Ниша эта в значительном объеме уже заполнена историческим материалом, но мне думается, что мой рассказ лишним не будет. Постараюсь без эмоций пересказать факты, которые стали мне известны во многом благодаря моей долгой службе в советской спецслужбе – КГБ. [...]

Я – не страстный поклонник президента Пятса, но и не его ненавистник, я отношусь к нему как к значительной исторической личности и постараюсь откровенно рассказать о трагической судьбе самого президента, его сына Виктора, младшего внука Хенна, а также о жизненных драмах невестки Хельги, старшего внука Матти и бонны Ольги Тюндер. Рассказать не предвзято, не по указке сверху, а как говорят эстонцы, *külma kõhuga* – «с холодным животом», и привести те высказывания президента Пятса и его сына Виктора, которые от безысходности, в оскорбленных чувствах, в пучине отчаяния иногда слетали с их уст в ссылке и тюрьмах. Еще некоторое время назад я не решился бы опубликовать эти материалы, но теперь исхожу из того, что все это – уже восьмидесятилетняя история, и пусть читатели сами оценят думы героев книги.

Отлучение от Родины

9 августа 1940 года в 10 часов 45 минут на станции Уфа 2 точно по расписанию останавливается скорый поезд № 16. Из вагона выходят четверо взрослых и двое детей. Они удивленно осматриваются по сторонам, говорят на непонятном языке. Все шестеро в сопровождении начальника 15-го отделения 3-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР старшего лейтенанта госбезопасности Яковлева направляются на привокзальную площадь. Там приехавших ожидают чёрные эмки. [...]

Вот как описывается сцена приезда «гостей» в суточной сводке наружного наблюдения (НН).

Из сводки НН:

9 августа 1940 года: На привокзальной площади объекты сели в автомашины М-1 №№ БА 00-17 и БА 00-18, которые проследовали на ул. Сталина, дом 37. Приметы наблюда-

емых: Старик (президент Константин Пятс) – среднего роста, плотного телосложения, лет 60–70, лицо овальное, загорелое. Волосы седые, глаза голубые, нос короткий, прямой. Носит очки в роговой оправе, усы, бороду бреет. Одет: серый коверкотовый костюм, шляпа стального цвета, коричневые полуботинки. В левой руке носит палку. Ходит, слегка прихрамывая. Боксер (сын Константина Пятса Виктор) – выше среднего роста, плотного телосложения, лет сорока, лицо загорелое, плотное, бритое, нос короткий, глаза карие, волосы темно-русые с искусственными кудрями впереди. Одет: черная фетровая шляпа, черный костюм, коричневые полуботинки. Ходит крупными редкими шагами. Игла (жена Виктора и невестка президента Пятса Хельги) – выше среднего роста, тонкая, лет 30, лицо продолговатое, нос длинный, прямой, глаза голубые, волосы темно-русые. Одет: черное платье, в босоножках. Яга (домработница-бонна в семье президента Ольга Тюндер) – среднего роста, полного телосложения, лет 32–34, лицо продолговатое, глаза карие, нос тонкий, прямой, волосы русые. Одет: черное платье, поверх которого белый фартук, белые босоножки. Двое мальчиков: одному лет семь (внук президента Матти), меньшему примерно четыре года (внук президента Хенн). [...]

Совершенно секретно

Народному комиссару Внутренних дел БашАССР капитану госбезопасности Соколову, гор. Уфа

Для чекистского обеспечения в Уфе Президента Эстонии Пятса Вам предлагается провести следующие мероприятия:

Выделить соответствующую квартиру со всеми удобствами, в целях предотвращения побегов обеспечить круглосуточную негласную охрану объектов силами 3-го спецотдела НКВД Башкирии. Охрану соответственно замаскировать под видом представителей домоуправления, домовых рабочих, жильцов по дому и т. д., организовать тщательное наблюдение за Пятсом и членами его семьи: выявлять все связи и провести их глубокую

проверку, обязать Константина Пятса и его сына Виктора Пятса являться еженедельно к начальнику 1-го спецотдела НКВД для регистрации. Непосредственное осуществление этих мероприятий возлагаю на Вашего заместителя старшего лейтенанта госбезопасности Кудрякова.

О результатах систематически докладывать в НКВД СССР тов. Влодзимирскому.

Народный комиссар внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. Берия

[...]

Перлюстрация

Напрасно Пятсы ждали в Уфе ответы на свои письма: на главпочтамте они были отобраны, и НКВД Башкирии направил их в Москву для принятия по ним решения.

По указанию НКВД СССР была определена сложная процедура контроля за перепиской членов семьи Пятса и домработницы Тюндер. Все письма, посланные объектами из Башкирии, в почтовых отделениях изымались и передавались в НКВД БашАССР, а оттуда с сопроводительными письмами пересылались в 3-й отдел Главного управления госбезопасности НКВД СССР Влодзимирскому. Там они переводились на русский язык, и оригиналы писем вместе с переводами передавались в 4-й отдел того же Главка для изучения и выявления возможной тайнописи. После исследования корреспонденции на тайнопись 4-й отдел возвращал письма в 3-й отдел, который решал, что с ними делать. [...]

Из сводки НН:

14 августа 1940 года: В 10 час. 00 мин. к дому Старика подъехала автомашина М-1 № БА 95-57, из которой вышел сотрудник НКВД и после звонка вошел в парадную дверь. [...] В 21 час. 15 мин. из дома вышли Игла и Яга и быстро проследовали до главпочтамта. Яга что-то спросила у вахтера, затем они прошли в вестибюль, где, о чем-то поговорив на непонятном языке, вошли в общий

зал. Там Игла что-то написала на одном из конвертов, затем они вышли из зала и опустили в почтовый ящик три письма в белых конвертах. После этого, оглядываясь по сторонам, вернулись домой. Старик из адреса не выходил. [...]

Агент Имай:

15 августа 1940 года: Бонна семьи Пятса Ольга Тюндер рассказывала старухе Колесниковой во дворе, что в Уфе на рынке все дорого и невкусно. Сегодня они обед есть не стали и отдали его соседям курам. Старик Пятс собрал во дворе ребятшек и угостил их шоколадом. [...]

Из сводок НН:

23 августа 1940 года: В 10 час. 45 мин. Яга, имея при себе вязаную вещевую сумку и фарфоровый кувшин, вышла из дома и прошла на базар на Верхнеторговой площади, где купила яиц, мяса, помидор, других продуктов, и вернулась домой. В 11 час. 45 мин. вышли Старик и Боксер, прошли по ул. Чернышевского, Гоголя в здание НКВД. Пробыв там 1 час 10 мин., объекты вышли, вместе прошли до ул. Гоголя и разошлись: Старик проследовал домой, а Боксер – на Верхнеторговую площадь, где купил дыню и стакан сметаны.

24 августа 1940 года: В 12 час. 05 мин. Боксер и Яга, имея при себе продуктовую сетку, вышли из дома и направились на базар, где купили 2 кг мяса, фунт масла, 1 кг картофеля, 10 помидор, и вернулись домой. Старик из адреса не выходил.

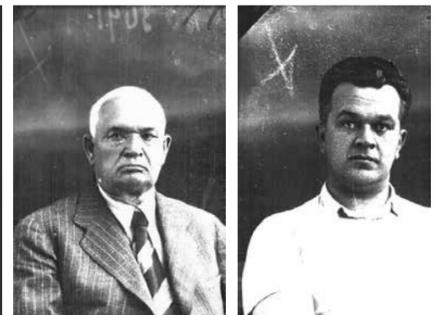
27 августа 1940 года: В 19 час. 30 мин. из дома вышла Яга с тарелкой с корками хлеба в руках и передала ее женщине, которая проживает в этом же дворе, и обратно зашла в дом. Старик из адреса не выходил. [...]

Агент Лиза:

26 августа 1940 года: Ольга Тюндер интересуется, где в Башкирии живут эстонцы. Виктор Пятс ругается: какое безобразие – в магазинах только водка и кофе из жареного зерна и цикория. А Тюндер ехидничает: может быть, здесь люди живут, как медведи,

Константин Пятс с сыном Виктором, невесткой Хельги и внуком Матти. 1934 год.

Константин Пятс, Виктор Пятс и Ольга Тюндер. Март 1941 года. Уфа. Снимка Хельги Пятс в деле не оказалось.

Майор госбезопасности Лев Влодзимирский.

– зимой им хорошо, они сыты, спят, а летом им приходится рыскать. К Пятсам ходит старушка из соседнего дома, она предлагает им булок, так как она может их иметь – у нее сын в булочной работает. [...]

Заявление Константина Пятса

В Народный комиссариат внутренних дел Башкирской АССР

Заявление

Вместе со мной из Эстонии были высланы мой сын Виктор, его жена Хельги и двое их маленьких сыновей, моих внуков, из коих младшему исполнилось 4 года, старшему – 7 лет. Мой младший внук перенес в первые годы своей жизни две очень тяжелые болезни, которые сильно повлияли на его здоровье: он страдает малокровием и распуханием горловых и легочных желез, что часто сопряжено с повышением температуры.

Здесь он заболел расстройством желудка в очень тяжелой форме, он почти целую неделю не мог принимать пищу, вследствие чего ослаб. Врач предписал ему подходящую диету, но исполнить требование врача невозможно, потому что нельзя добыть необходимых продуктов, здесь нет в продаже продуктов вовсе.

Крайне беспокоясь за здоровье своих внуков, особенно младшего, я покорнейше прошу Вашего содействия в том, чтобы им разрешено было вместе с матерью и добровольно их сопровождающей няней (Ольга Тюндер) выехать за границу, где они поселились бы до возможности возвратиться на Родину в Швейцарии или Северной Италии, где у моей невестки имеются школьные товарищи.

В дополнение к своему прошению имею добавить, что моя невестка не принимала никакого участия ни в политической, ни в партийной жизни, участвовала только в деле благотворительности, а главным образом посвятила себя исключительно семейной жизни и заботам о детях.

2 сентября 1940 г.

Константин Пятс

Из сводки НН:

3 сентября 1940 года: В 22 час. 10 мин. в квартиру Старика вторично пришел сотрудник НКВД СССР, который пробыл там 2 час. 55 мин. и уже за полночь, в 00 час. 55 мин. вышел.

В эту ночь разговор с Пятсом был особенно резок. Сотрудник НКВД из Москвы передал Пятсу, что его записи доведены до сведения руководства, но их содержанием оно осталось крайне недовольно и о решении его проблемы с большим внуком речи пока быть не может. Пятсу в категоричной форме было предложено представить дополнительные признательные показания к 21.00 следующего дня, но к этому сроку он изложить их не успел, поэтому перед девятью часами вечера выключил в доме свет, и все в семье прикинулись спящими. [...]

Агент Лиза:

9 сентября 1940 года: У Пятса сильно заболели дети. В связи с этим Ольга Мартыновна сказала, что если бы в Эстонию привезли Сталина с детьми, то эстонцы ухаживали бы за его детьми не так, как здесь – за их детьми. Бонна заявила: «Врачи приходят и уходят, а толку никакого: видимо, они хотят нас просто отравить. В этом случае лучше бы нас застрелили». Ольга Мартыновна бросилась мне на шею: «У детей нет к зиме теплой одежды, нам ничего не дают. Скажи, когда нас отпустят, я тебе свои галоши отдам». [...]

Жизнь Пятсов становится всё однообразнее

Жизнь семьи президента в Уфе становится все однообразнее: походы Ольги Тюндер, Виктора Пятса, реже – Хельги на базар, в хлебные, бакалейные магазины и аптеки, посещения областной библиотеки, в основном ее иностранного отдела. Президент и его сын Виктор регулярно, один раз в неделю, ходят в НКВД регистрироваться, а порой их вызывают туда и на беседы. Чуть ли не ежедневно, а иногда по несколько раз в день, квартиру посещают врачи. Не забывают Пятса и сотрудники НКВД, они у него дома – частые незваные гости. [...]

Агент Лиза:

4 октября 1940 года: Виктор Пятс заявляет, что все советские начальники – болтуны, мол, когда их высылали из Эстонии, то говорили: там квартира будет бесплатная, а теперь оказалось, что они должны за нее

платить. Виктор возмущается: «Мы, что, шантрапа? Нам не разрешают выходить за пределы центра города, наши письма не доходят до родных, мы находимся, как в тюрьме, и за это надо еще деньги платить. Здесь с людьми совсем не считаются». У жены Виктора нет зимней одежды. [...]

Агент Макаров:

8 октября 1940 года: Проживающий по ул. Ленина в доме № 46 админвысланный бывший президент Эстонии Пятс настроен антисоветски. Его квартиру посещает соседская девочка (она – дочь уполномоченного), которая говорит: «Я часто бываю в квартире Пятса и слышу разговоры о том, что, когда они жили в Эстонии, то там все было гораздо лучше, чем здесь у нас в Башкирии, якобы в Эстонии есть всякие продукты питания и мануфактура, а в Уфе все грязно, некультурно и в магазинах ничего нет». Кроме того девочка рассказала, что Пятс ведет еще и контрреволюционные разговоры, но что конкретно, она того сказать не может, так как она еще маленькая – несовершеннолетняя. [...]

16 ноября 1940 года нарком внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 1-го ранга Лаврентий Берия подписал наркому внутренних дел Эстонии старшему майору госбезопасности Борису Кумму строгое указание, обязывающее взять в проверку всех близких к Пятсу и Лайдонеру лиц в целях выявления их антисоветской деятельности и периодически докладывать в Главное управление госбезопасности НКВД СССР Влодзимирскому. В указании местонахождение Пятса и Лайдонера не сообщалось.

Через четыре дня, 20 ноября 1940 года, Влодзимирский продублировал указание Берии заместителю наркома внутренних дел Эстонской ССР старшему лейтенанту госбезопасности Шкурину и сообщил ему установочные данные на те связи президента Пятса в Эстонии, которые необходимо взять в активную проверку: Пятс Лео, ул. Варблазе, 3, кв. 1; Латтик Эрна, ул. Лийвалайа, 25; Тюндер Минна, ул. Роху, 8а, кв. 3. О том, что Пятс содержится в Уфе, Влодзимирский Шкурину тоже не сообщил. В Эстонии во-

Константин, Виктор и Хельги Пятс. Июнь 1941 года. Уфимская тюрьма.

обще никто не знал, куда упрятали низвергнутого президента с семьей. [...]

Агент Бермос

12 мая 1941 года: Виктор Пятс говорит, что он – патриот и националист. Он был, по его словам, гражданином «свободной и независимой» страны и таковыми же хочет воспитать сыновей, но это возможно лишь тогда, когда они будут учиться на родине, в Эстонии. Виктор Пятс и его жена Хельги заявляют, что они согласны на многие школы других европейских государств, но не допустят того, чтобы отдать детей в советскую школу. Как бы Пятсы ни любили Эстонию, но Советская Эстония для них совершенно неприемлема, и они упорно просят и настаивают, чтобы их отпустили домой, а сокровенная их мечта – перебраться за границу, для них преимущественными странами являются Англия, Голландия, США, а до недавнего времени такой страной была еще Югославия. Во всех высказываниях Виктора Пятса чувствуется непримиримая ненависть ко всему советскому, желание придрасть к любому обстоятельству, чтобы злбно издеваться над этой ненавистной ему действительностью. «Что такое коммунизм?» – спрашивает Пятс. По его мнению, коммунизм – это только красивое слово без внутреннего содержания, без фактов, которые подтвердили бы суть этого понятия, на деле коммунизм – это бедность, грязь, бескультурье, беспризорные и оборванные дети, страна, доведенная коммунистами до разрухи. Страшно подумать, что Эстония, которая за 20 лет самостоятельности проделала большой подъем в экономике, сумела подняться в своем развитии до европейского уровня, будет теперь обречена на такую же ужасную жизнь, какую мы здесь в Уфе видим. [...]

16 июля 1941 года. Уже три недели президент содержится в мрачной грязной камере во внутренней тюрьме НКГБ Башкирии. Его часто, в основном по ночам, допрашивают. В камере сыро, и у Пятса сильно болят суставы (давняя подагра), у него нет сменного белья, туалетных принадлежностей. Наконец после многочисленных просьб заместитель наркома

госбезопасности Башкирии лейтенант госбезопасности Бабенко дает начальнику административно-хозяйственного отдела НКГБ письменное распоряжение выдать Пятсу из изъятых у него перед арестом и хранящегося на складе имущества следующие личные вещи: 2 пары нательного белья, 2 полотенца, 3 пары носков, 3 носовых платка, 1 подушку, 1 байковое одеяло, 1 комнатные туфли, 1 кусок мыла и 1 зубную щетку. [...]

Начальственный визит в камеру Пятса

В начале декабря 1941 года, в самое критическое для советской страны время, в разработку президента Пятса ввели нового агента под кличкой Юрчак. Первое его сообщение пришлось на день рождения Сталина.

Агент Юрчак:

21 декабря 1941 года: 9 декабря нас в камере посетил заместитель наркома госбезопасности Башкирии тов. Бабенко. Замнаркома говорил: «На Советский Союз напал фашист, который кругом сеет смерть и разорение. Вы, Константин Яковлевич, как видный политический деятель, как демократ по убеждениям должны помочь нам в выявлении действий и лиц германской разведки, действовавших в Эстонии, рассказать без утайки обо всем, что вам в этих вопросах известно». Пятс все время поддакивал Бабенко, но отвечал ему кратко: «Обо всем, что я знал, я уже изложил письменно и рассказал следователю». После ухода замнаркома источник разговорился с Пятсом, чтобы узнать его мнение о беседе и причинах прихода к нему в камеру важного чина из НКВД. Пятс уверяет, что он ничего не знает о деятельности немецкой разведки в Эстонии, и удивляется, с чего они к нему с этими разведками пристали. Пятсу говорят, что Эстония должна быть ближе к СССР, чем к Германии. Пятс возмущается, мол, как это Эстония должна быть близка к СССР, если он ее захватил силой. Рассказывая о допросах, Пятс отметил, что его хотели сломить режимом, но не на того напали, он считает, что ничего крамольного в его решениях по управлению своей страной не было, его действия как президента самостоятельно-

го государства не подлежат суду по нашей конституции и скоро его дело должны прекратить. [...]

В декабре 1954 года Пятса в сопровождении медицинского работника переправили из казанской закрытой психиатрической больницы в психоневрологическую больницу – в местечко Ямеяла недалеко от Эстонского города Вильянди. [...]

Второе отлучение от Родины

На родине Пятс прожил меньше месяца. Известие о его возвращении быстро разлетелось по всей Эстонии. В Вильянди и Ямеяла пошли ходоки, люди хотели своими глазами увидеть первого президента Эстонии, говорили, что Пятс находится в полном здравии и его незаконно держат в психушке. Такие разговоры, вопреки строгим запретам, распространял сочувствующий президенту персонал психбольницы.

Все это вызвало новую головную боль у руководства республики, и оно решило избавиться от возмутителя спокойствия: тайно вывезти Пятса за пределы Эстонии и держать в строгой секретности его будущее местонахождение. На каком уровне и кем было принято такое решение, мне неизвестно, никаких документов по этому вопросу мне читать не приходилось. [...]

Георгий Николаевич Никитин, который сопровождал Пятса от Ямеяла до Пскова на его пути в Бурашево, рассказал: «Нормальный был старик, никаких отклонений я у него не заметил. Уж очень он не хотел покидать Эстонию».

Президент Пятс умер в психиатрической больнице поселка Бурашево Калининской области (ныне Тверской области) 18 января 1956 года на 82-м году жизни. [...]

Возвращение на Родину

В доперестроечное время в Эстонии не знали, где похоронен первый президент Эстонской Республики Константин Пятс. Родственникам было только

Республиканский психоневрологический диспансер в Ямеяла.

Палата в психоневрологическом диспансере Ямеяла.

Психиатрическая больница в Бурашево.

известно, что он умер. Идея разыскать место захоронения Пятса родилась у отставного майора КГБ Эстонии Хенна Латта в сентябре 1988 года, когда на массовом митинге на таллинском Певческом поле властям задали вопросы: где руководители Эстонской Республики? где наш президент Пятс? [...]

19–22 июня 1990 года в Бурашево работала новая экспедиция из Эстонии, для которой заблаговременно было получено официальное разрешение. На сей раз отношение к эстонцам было совсем другое – местным жителям сами участвовали в раскопках и даже выделили в помощь экскаватор. Успешному завершению работы помогла новая, более точная информация.

Слух о поиске могилы Пятса дошел до Евдокии Шикановой, работавшей в прошлом в бурашевской психоневрологической больнице и присутствовавшей более 45 лет назад при захоронении Пятса. Она подсказала: «Копайте меж тех двух берез». Там, меж двух берез, и нашли могилу президента Пятса.

По тюремной фотографии 1941 года, которая была сделана в масштабе 1:7, антропологи уверенно определили: эксгумированный череп принадлежит президенту Пятсу. Дополнительным подтверждением верности такого вывода явились найденные в могиле скороходовские ботинки и манжетные пуговицы от рубашки Пятса.

21 октября 1990 года останки президента Пятса предали родной земле в Таллинне, на Метсакальмисту, рядом с могилой его жены – лютеранки Хельмы Пятс (девичья фамилия Пеэди), умершей в 1910 году в возрасте 32 лет. 21 октября 2020 года на Метсакальмисту состоялся митинг, посвященный 30-летию со дня перезахоронения останков Пятса, на котором с речью выступил премьер-министр Эстонии Юри Ратас. Ни два прошлых президента – Арнольд Рюйтель и Тоомас Хендрик Ильвес, ни действующий президент Керсти Кальюлайд на мероприятии не присутствовали. [...]

Кто же он, Константин Пятс: человек, предавший интересы страны или ее спаситель?

Этот риторический вопрос я вынес в заголовок главы по одной причине: он связан с решением президента Пятса и правительства Эстонии согласиться с советскими ультиматумами в 1939 и 1940 годах. На этот вопрос в нынешней Эстонской Республике единого – выверенного временем и в спорах – ответа не получить. Одни, в основном

молодое поколение, осуждают Пятса, считают, что Эстонии следовало оказать СССР вооруженное сопротивление, и твердо стоят на своем «верном» принципе: «Сдавшись, спасаешь рабов. Когда погибаешь в борьбе, у тех, кто выживет, сохранится свободная душа!» Другие защищают президента: Пятс действовал по-крестьянски мудро, рационально: он представлял себе последствия неминуемой страшной бойни в случае войны, согласился с условиями советских ультиматумов и тем самым сохранил свой народ. [...]

Современный российский писатель Семен Данилюк заключает в своей книге «Константинов крест»: «Трудно найти более преданного своей нации и патриота своего народа, чем Пятс». Я добавлю от себя: президент какой страны, кроме президента Эстонии Константина Пятса, пожертвовал собой, сыном и внуком ради того, чтобы, выражаясь словами самого Пятса, не напакостить своей стране и своему народу?

Из высказываний Константина Пятса:

«В России легко пошли на коллективизацию потому, что земля веками была общинной, мирской. Эстонский крестьянин на это так легко не пойдет: он привык к своей земле».

«Война двух режимов, двух идеологий, на дух не терпящих друг друга, руководимых своими вождями, не может кончиться компромиссом».

«Дружба России с Германией бумажная – коммунизм и фашизм в дружбе жить не могут».

«Мирный договор России с Германией носит империалистический характер и служит поводом для начала войны».

«Выступить Эстонии военной силой против СССР было бы глупо, советский ультиматум мы вынуждены были принять».

«Эстония стала жертвой большой политики».

«Подписывая с СССР договор о военных базах, мы совершенно не могли думать о тех последствиях, которые мы теперь имеем».

«Страна, пустившая чужую армию на свою территорию, уже не хозяин своей судьбы».

«Настолько безумен не был в Эстонии ни один политический деятель, чтобы мог вообразить, что Эстония призвана бороться с политическим и экономическим строем Союза Советов».

«Конечно, легко было взять самолет и улететь, но я боялся – если я сбегу и брошу свой народ, то не обойтись без кровопролития».

Хенн Латт (в пестром джемпере), Вальдур Тимуск и Ксения Гусева в Бурашево в 1988 году.

Церемония перезахоронения останков Константина Пятса в Таллинне 21 октября 1990 года.

Мемориал на бывшем месте захоронения Константина Пятса в Бурашево.

Могила Константина Пятса на кладбище Метсакальмисту в Таллинне.

Памятник Константину Пятсу в Тойла был торжественно открыт 23 февраля 2020 года.

Незнакомка

Я при встрече ее узнаю,
Эту женщину с легкой походкой.
От нее свои взгляды таю,
Улыбаясь застенчиво, робко.

Все сильнее к ней чувство мое,
Как увижу, так сердце забьется.
Вот прошла – и не видно ее,
Только запах духов остается.

Я смотрю ей с надеждою вслед,
Вдруг она невзначай обернется.
Может, что-нибудь скажет в ответ
Или просто в ответ улыбнется.

Я скучаю по ней и всегда,
Когда наступают потемки,
Пишу я, не зная куда,
Письма моей незнакомке.

Сон старика

Задремал старик у печки,
Видит странный сон:
Вдруг погасли разом свечки
В церкви, где был он.

Что такое? Что случилось?
Замер весь народ.
Лишь блаженная молилась
На парящий гроб.

Он то плыл над головами
Бедных прихожан,
То качался временами,
Уплывал в туман.

Вот он снова возвратился,
Белый свет принес.
И из гроба вдруг явился
Сам Иисус Христос.

Поднял перст над всеми строго,
Чтоб людей судить.
Но был милостив, в дорогу
Попросил лишь пить.

И старик, подсутившись,
Чарку преподнес.
И вино, чуть пригубивши,
Воспарил Христос.

Тут же сна старик лишился:
«Что за полный бред?!
Пред иконой помолвился,
И святой водой умылся,

И уже без всяких бед
Прожил более ста лет.

Голоса доносятся чужие
Из родного дома моего.
В нем давно живут уже другие,
Моего там нету ничего.

Возле дома постую немного,
Обойду его, не торопясь.
Моей жизни длинная дорога
От него когда-то началась.

А за домом сад цветет красиво,
Я в него, как раньше, забреду.
Полюбуюсь яблоней и сливой,
Вишней, утопающей в цвету.

Постую я с грустью у калитки,
И о прошлом загрузчу всерьез.
Здесь девчонку в розовой накидке
Целовал под листьями берез.

Постучусь в соседнее окошко,
Станет как-то мне не по себе:
Вдруг девчонка в платьице в горошек,
Как и в детстве, выбежит ко мне.

Не дождусь. Пойду своей дорогой,
В сердце трепет прошлого храня,
Помня, что прекрасного в нем много
И что в нем была ты у меня.

Кабана зарезали в начале декабря.
Он, бедный, и визжал, сопротивлялся.
Ногами бил, неистово брыкался,
Но все, что он ни делал, было зря.

Под левую лопатку нож вошел,
И он как будто замер в удивленьи,
И долго был еще в оцепененьи,
Не понимая, что конец пришел.

А кровь уже с блестящего ножа
Стекла на жесткую колючую солому.
И по снегу зимнему сухому
Сани тронулись, полозями визжа.

Затем палили шкуру у костра
Железной раскаленной полосой.
И пахло словно свежей колбасой,
Копченою, из мяса от бедра.

Разделали тут сразу же всего,
В тазу лежат и сердце его, почки,
От грудинки, вырезки – кусочки.
И было много там еще чего.

Потом на кухне пир стоял горой:
Ели сочное жаркое из свинины,
А заодно справляли именины
И жалели кабана после второй.

Разбросала краски осень
По деревьям и кустам.
У природы мы не просим,
Чтоб вернулось лето к нам.

Тихо падают, кружатся
Листья старых тополей.
А на душу нам ложатся,
Звуки музыки дождей.

Как прекрасна золотая,
Эта дивная пора!
Когда природа, увядая,
К нам по-прежнему добра.

Вот опять накатила бессонница,
Снова ночью схожу я с ума.
В голове – колокольная звонница
И событий дневных кутерьма.

Может быть, это осень виною,
И что лето прошло без следа.
Может быть, оттого, что с тобою
Встреч не будет уже никогда.

Позабудутся темные ночи
И слова, что тогда говорил.
Пожелтеют, завянут цветочки,
Что с любовью тебе я дарил.

Все же я ни о чем не жалею,
Одного лишь я только боюсь:
Что тебя разлюбить не сумею
И в другую уже не влюблюсь.

Я сегодня как будто в ударе,
Отчего – я и сам не пойму.
Может быть, что вчера на бульваре
Ты прижалась к плечу моему.

Невзначай твои светлые пряди
Чуть коснулись лица моего,
Я рукою несмело их гладил
И не видел вокруг ничего.

Взгляд доверчивый глаз сероглазых
Глубоко в мое сердце проник.
Я еще не влюблялся ни разу,
И любви незнаком мне язык.

Летний вечер скрадывал тени,
И кружилась моя голова,
Когда наши с тобою колени
На скамейке касались едва.

Целый день я сегодня в ударе,
Теперь знаю уже – почему:
Потому что вчера на бульваре
Ты прижалась к плечу моему.

В зеркало смотрит старик по утрам,
Видит свои седины.
Щеткою водит по редким зубам,
Гладит рукою морщины.

Сколько жить осталось ему?
Этого он не знает.
Богу известно лишь одному,
Когда душа отлетает.

Был ли жизни какой-то смысл?
Нет на вопрос ответа.
Будет с нами жить эта мысль
До окончания света.

Россия и Запад – будто с разных планет,
И с этим ничего не поделаешь тут.
На наше «да» говорят они «нет»,
Веками у нас с ними разный маршрут.

Не надо ничего доказывать им,
Перед ними оправдываться каждый раз.
В единстве народ наш непобедим,
Не стоит на прочность испытывать нас.

Не будем обиды, конфликты плодить –
Они не нужны и ни вам, и ни нам.
И лучше нам в мире, согласии жить
На радость народам и небесам.

Вячеславу Коновалову – соратнику, поэту

На кладбище старом – сосновая зелень,
Падает тихо березовый лист.
Им путь от могилы к могиле устелен,
А воздух осенний от хвои душист.

Глаза застилают слезою непрошеной.
Вот и обрел ты здесь вечный покой.
И горстью земли, на гроб тебе брошенной,
Вместе со всеми прощаюсь с тобой.

Вот и умолкнул твой голос певучий,
Все так и случилось, как ты говорил.
И венки на могилу с орхидеей пахучей
Из родных твоих кто-то уже положил.

Уже не возьмешь телефон и не скажешь:
«Здравствуй, мой самый любимый поэт!»
И в шутку уже не добавишь, что даже
Иду у тебя я за Пушкиным вслед.

Стихи над могилой твои мы читали.
Каким же веселым и светлым ты был!
И не было в них ни тоски, ни печали,
Во всех проявлениях жизнь ты любил.

Уходишь ты в вечность, нас оставляя,
Здесь на земле своих близких, друзей.
И о тебе в сердце память живая
Будет всегда до конца наших дней.

Что если в жизни этой
Не встретил бы тебя
И был сейчас я где-то
С другою, не любя?

Что если б изначально
Судьба нас не свела?
Унылой и печальной
Моя бы жизнь была.

Жил бы я с тоскою,
Понятной одному.
И встреч искал с тобою
Во сне и наяву.

Как хорошо, что все же
Тебя я повстречал
И в толпе прохожих
Среди других узнал.

Я благодарен Богу,
Что ты в моей судьбе.
За то, что мне дорогу,
Помог найти к тебе.

В деревне все уже спали,
Молчали еще петухи.
Мы с другом на сеновале
Читаем девчонкам стихи.

Сено шуршит под ногами,
Запах как будто пьянит.
И месяц своими рогами
В окошко сарая глядит.

Читаем Есенина, Блока –
Любимых поэтов стихи.
И время уже недалеко,
Когда запоют петухи.

Слышно, стрекочет кузнечик
Где-то в траве у ворот.
И мир этот кажется вечен,
Покуда любовь в нем живет.

Завтрак

Нам все время твердят о пользы
Каши овсяной с утра.
Дескать много в ней всякой ценности
И всякого в ней добра.

Но запах мясного разносится
По кухне моей небольшой.
И в рот мой с тарелки просится
Большой бутерброд с колбасой.

Не знаю, что мною двигает,
Не буду кривить я душой.
Но в рот мне все время прыгает
Потом бутерброд с ветчиной.

Вот я снова в избушке заброшенной,
Что стоит на опушке лесной.
В ней «принцесса моя на горошине»
Проводила здесь ночи со мной.

Все до боли мне здесь знакомо:
Вот висит ее белый берет,
Тот же запах душистой соломы,
На столе тот же самый букет.

Помнят губы мои ее тело,
И тепло ее нежной руки,
И как я целовал неумело
Голубых ее глаз огоньки.

И из прошлого грустью повеет,
И слегка затуманится взор,
Словно не было сердцу милее,
Чем полночный тогда разговор.

Вот и месяц выставил рожки
Наяву ли, то ли во сне.
Вижу я, как по лунной дорожке
Она снова спешит ко мне.

Мне этот мир уже неинтересен,
Его покинули родные и друзья.
А был он так прекрасен и чудесен,
Когда со мной была любовь моя.

Тогда, казалось, было все иначе,
Сильнее пахла майская сирень.
И поцелуй твой очень много значил –
Им был наполнен каждый божий день.

Тогда озера были голубыми,
В твоих глазах я видел этот цвет.
Какими же мы были молодыми,
Когда вдвоем встречали мы рассвет!

Куда ушло, куда же все пропало
И унеслось – в какие же края?
И вот опять звезда с небес упала...
Настала, может, очередь моя?

Уходим чередой в миры иные,
От живых все дальше с каждым днем.
И будут с неба капли дождевые
О всех ушедших плакать за окном.

Как жаль, что уходят так рано
Из жизни совсем молодыми,
Родным оставляя раны
И делая их седыми.

Уходят безвременно люди,
Нас покидая в надежде,
Что помнить о них мы будем,
Любить их так же, как прежде.

Брат и сестра

С фотографии смотрит мальчишка –
Ребенок еще ведь совсем.
С сестренкой, прижавшейся близко,
С рукой у нее на плече.

С глазом, заплывшим от раны,
Со шрамом большим на щеке.
В тот день отпросились у мамы
Сходить за цветами к реке.

Вышли из дома дети –
Брат со своей сестрой,
Любивших всего на свете
Играться между собой.

А солнце светило ярко,
И ветер совсем уже стих.
Как вдруг соседней овчарка
Бросилась прямо на них.

Мальчик своим же телом
Успел сестру заслонить
И руки вытянул смело,
Пытаясь себя защитить.

Собака же злобно кусала
Мальчишку шести лет всего.
И девочку только спасала
Детская храбрость его.

Недолго борьба продолжалась.
Почувствовав смелый отпор,
Собака к земле прижалась
И прыгнула через забор.

Кровь у ребенка бежала
Вместе с детской слезой.
И брата сестра держала
За руку, ведя домой.

Остались у мальчика шрамы.
И вроде бы все ничего.
Но катятся слезы у мамы,
Когда поглядит на него.

С годами чувствуешь себя
больным и лишним,
Быть может, хорошо,
что долго не живем.
Нам предстоит предстать
перед Всевышним,
На божий суд мы все
к нему придем.

Что скажем мы? Грехи он
наши знает,
И будем ли в раю или
гореть в аду.
Он до сих пор нас грешных
не прощает...

Зачем ты съел, Адам,
то яблоко в саду?

ЕВГЕНИЙ СМИРНОВ

Наезд на пешехода

Эта история, хоть и достоверная, но может показаться нереальной для серьезного человека, не побывавшего в шкурах, нет, скорее не в шкурах, а в психологической ауре фигурантов. Именно фигурантов, сотворивших ее. А психологическая аура – это в данном случае аура трех студентов заочников юридического института. То есть парней 23–26-летнего возраста, прошедших армейскую службу и имевших некоторые знания послешкольного образования (один очно окончил школу милиции, другие – по два курса гуманитарных вузов еще до армии).

И вот – новая учеба, словно возвращение в юношеское время. Каждая сессия навела им эйфорию юности. Учеба особо не напрягала – как никак запас знаний и жизненного опыта уже имелся, сокурсники, сокурсницы, преподаватели и еще сохранившаяся бесшабашность.

Да, я обмолвился о фигурантах. Это значит, что было какое-то юридическое событие, то есть действие или бездействие. Конечно, было. И то и другое.

Жорка Скворцов и его друг Серега Рыбин не захотели оставаться еще на одну пару установочных лекций по предмету «государственное право зарубежных стран», потому что в этот солнечный июньский день им очень захотелось совсем другого – «дзюТЬ-дзюТЬ» расслабиться. Третий их дружок, тоже Серега Рыбин с идентифицирующим уточнением к имени – Папа, после недолгого колебания все же остался усваивать науку. Оporожнив 0,7 литра яблочной бормотухи, парни направились на конечную остановку троллейбуса, чтобы ехать в общежитие вологодского подшипникового завода, где они снимали комнату.

Жорка ступил с тротуара на асфальт проезжей части в тот момент, когда перед ним медленно проползал только что повернувшийся направо «жигуленок» кофейного цвета с московскими номерами. За рулем сидела миловидная дамочка возрастом лет тридцати пяти. Корпус машины еще не проехал мимо Жорки, словно мимо телеграфного столба, и парень приподнял левую ногу, схватился руками за ступню и, прыгая на одной ноге, гортанно заверещал:

– Уя, уя, уя...

Что толкнуло его на этот театрально-балетный выкрутас, он не осознал ни тогда, ни в последствии.

Машина тотчас остановилась, и миловидная стройная дамочка под-

бежала к Жорке, уже усевшемуся на бордюр тротуара и качавшего голень, словно новорожденного младенца.

– Молодой человек, молодой человек! – испуганно дрожал ее голосок. – Я, что, задела вас машиной? Где задела, куда?

«Потерпевший» отворачивал лицо от женщины, так как понимал, что не выдержит и расхохочется. Серега чуть поотстал и не видел момента «автопроисшествия», но, подойдя, услышал, как над другом причитает «виновница» этого «происшествия». Он тоже все воспринял всерьез и ринулся было помогать «пострадавшему», но, увидев выглядывающие из-под руки блестящие Жоркины глаза, тут же понял – «блефует сволочь».

Вникнув в ситуацию, Серега немедленно переключился на москвичку.

– Ничего себе задела машинкой! Да тут умышленный наезд на пешехода! Думаете, вам, москвичам, можно здесь в провинции и по ногам кататься? Вообще нас ни во что не ставите. ГАИ вызывать надо и скорую помощь.

– Зачем ГАИ, зачем скорую помощь, – взмолилась дамочка. – Давайте я сама довезу вас до больницы, хоть у меня совсем нет времени.

Парни, жившие рядом с большим городком, не раздумывая согласились, причем Жорка выразил свое согласие слишком бодрим для попавшего в аварию человека голосом и испугался, как бы дама не раскусила их розыгрыш. Это заметил и Серега. Чтобы исправить ситуацию, он жалостно обратился к другу:

– Жорик, нога-то сильно болит?

– А ты как думал? Еще как болит! – последовал слезливый ответ, уже похожий на стон.

Женщина хотела посадить «потерпевшего» на переднее сиденье, но Серега, опасаясь, что более совестливый и смешливый приятель может выдать своим поведением их внезапно возникшую авантюру, воспротивился такому предложению.

– Нет, ему сзади будет удобнее. Он больную ногу вдоль кресел вытянет.

А сам сел рядом с водителем.

Жорке на самом деле уже стало жалко эту обаятельную москвичку, и он намеревался после приезда на место извиниться перед ней и повиниться в содеянном. Но Серега усугубил ситуацию.

Сидя рядом с дамой, он начал причитать, что теперь придется тратиться на такси для доставки пострадавшего в больницу, а мы – командированные. И начальник заболел, и неизвестно,

когда деньги подвезет. А он даже подстричься из-за этого не может. Длинные лохматые волосы Сереги свисали почти до плеч.

Жорка сзади дергал приятеля за рубашку, чтобы он прекратил это вымогательство, но тот не реагировал.

После таких слов женщина то ли сжалась над ними, то ли попросту захотела побыстрее избавиться от этих внезапно свалившихся на ее голову и под колеса парней и предложила три рубля, которые у нее были в кошельке.

– Вот, возьмите то, что у меня есть с собой, если эта сумма вас хоть как-то устроит. Я сама командированная, а деньги в гостинице.

Парень тяжело вздохнул и трагично поблагодарил:

– И на том спасибо.

После этого Жорка понял, что ни о каком извинении перед москвичкой и тем более раскаянии речи быть не может.

Машина остановилась возле главного входа в больничный городок. Жорка, болезненно крича, вылез из салона и все же поблагодарил женщину, негромко промямлив:

– Большое спасибо.

Только вот за что, могла подумать москвичка. После этого при поддержке друга «травмированный» захромал в сторону больницы, но захромал почему-то не на ту ногу, которую «баюкал» после инцидента, сидя на бордюрном камне.

Вернувшийся с лекции Рыбин-Папа был разочарован этой учебной процедурой.

– Во-первых, преподаватель опоздала, а во-вторых, бубнила, словно читала по учебнику, – ни одного живого интересного примера не выдала. Лучше бы с вами сорвался.

Зато прогульщики живым и образным языком наперебой рассказывали ему, как развели бабенку из Москвы. А затем самодовольно выставили на стол «трофейную» бутылку водки, не забыв при этом содрать с товарища 62 копейки, которые пришлось добавить к «заработанному» трояку, чтобы купить поллитровку.

Сессия текла своим чередом к окончанию – экзамены сдавались, сдачи отмечались. Осталось пройти всего один семинар и экзамен по государственному праву зарубежных стран.

Перед этим предметом парни не мандражировали, они, конечно, же учили, готовились. А потом и сами были не льком шиты, считали себя политически подкованными и разбирались в зарубежных государственно-политических структурах. Например, Жорка Скворцов вообще на каждое занятие шел, уткнувшись в газету. Причем

при ходьбе он никогда не отставал от друзей и ни разу не споткнулся. Это давало знакомым повод утверждать, что парень блефует, будто знает буквы и умеет читать на ходу.

По традиции перед каждым семинаром или экзаменом студенты скидывались и покупали для преподавателей цветы и прохладительные напитки. Цветы обычно располагали на столе так, чтобы как можно больше закрыть ими преподавателю обзор аудитории. Однако те практически всегда «расчищали» такие визуальные завалы. Вот и сейчас группа ждала прихода преподавателя и начала семинара. Наши парни сидели за четвертым и пятым столами в третьем крайнем ряду, слева от преподавательского стола.

Женщина преподаватель, держа в руках папку, энергично вошла в помещение, весело бросив на ходу «Доброе утро».

Староста даже не успел прокукарекать обязательное «Группа, встать!», как ее кто-то позвал из коридора:

– Ангелина Валентиновна, выйдите, пожалуйста, на минуточку.

В этот момент лохматый Серега, повернувшись назад, о чем-то болтал с папой и прихода преподавателя заметить не успел. Зато Жорка сразу узнал вошедшую – это была та милая дама, которую они развели на трояк в начале сессии. Жорка тотчас ткнул Лохматого в бок:

– Слышь, ты видел ее?

– Ты чего? Кого видел? – недоумевал приятель.

– Профессоршу, что сейчас приходила. Это же та баба на московском «жигуленке», которую мы надули. Я валю отсюда. Ты как хочешь, а я валю. Лучше потом приеду на пересдачу, может, другой преподаватель будет.

Жорка схватил свои бумаги и хотел было выбежать из класса. Лохматый, осознав ситуацию, тоже ринулся за ним. Но женщина стояла в коридоре и мило беседовала с другой дамой, а приоткрытую дверь держала за ручку. Смыться незаметно было невозможно, прыгать с третьего этажа также не хотелось. Оставалось покорно ждать своей участи.

Однако бездействие было по ним, и их соображаловка работала лихорадочно. Скворцов повернулся к Сереге-Папе:

– Серый, дай трешку. Я видел, у тебя есть. Я ей на стол положу. Может, лохотрон хоть чуточку нам скотится.

– А вы мне 62 копейки верните, что я добавлял, – съязвил было приятель.

– Да заткнись ты, нет времени хохмить, а то ведь я тоже могу стукануть, что ты с нами вместе три рубля ее пропивал!

Жорка подбежал к столу преподавателя, подsunул под бутылку минералки трехрублевую купюру и в тревожном ожидании вернулся на место.

Староста Вовка Селиванов с озлобленным видом подошел к нему.

– Что ты мечешься по классу? Что ты на стол положил?

– Успокойся, не агентурное сообщение, а прошение о помиловании.

Селиванов хотел подойти к столу и проверить, но в аудиторию вошла преподаватель.

– Группа, встать! – исправил свою оплошность староста.

Ангелина Валентиновна, представившись, пододвинула к себе список группы и начала традиционное знакомство.

– Рыбин Сергей Павлович...

Дошла она и до нашей троицы.

– Я! – бодро вскочил со своего места Серега-Папа.

Вся его физиономия светилась предчувствием момента, когда знакомство дойдет и до нас, и готова была разразиться смехом. Но, видимо, в тот момент до него еще не доходило, что за такую проделку Жорку и Серегу лохматого могут попросту отчислить из института, а такой вариант будет для него просто катастрофическим.

– Рыбин Сергей Фёдорович...

– Здесь, – буркнул, едва оторвав задницу от скамейки, Серега и тут же сел на место, пытаясь замаскироваться.

– Ну здесь, так здесь, – согласилась преподаватель, лишь мельком взглянув в сторону студента и ставя галочку возле его фамилии.

Неужели пронесло? Неужели пронесло? Сердца у всей троицы колотились. Может, мне и подфартит, обнадежил себя Жорка.

– Скворцов Георгий Викторович...

Жорка привстал и невольно вспомнил крылатую фразу из гайдаевского фильма – «Влип очкарик». Он несколько растерялся, выбирая, что ответить. Сначала хотел пробубнить, как лохматый «Здесь?», но все же хрипло выдал из себя по установленной форме «Я» и опустил на стул.

Сергей был одет в ту же рубашку в красно-зеленую клетку, что и во время первой встречи с этой женщиной, и, наверное, у Ангелины Валентиновны возникли смутные (а может и совсем несмутные) ассоциации, так как она пристально впиалась в него взглядом.

– Так, говорите, вы – Георгий Викторович? Как жаль, что я раньше этого не знала, – с угрожающей издевкой перешла она на монолог в форме вопроса.

Жорка понял, что сейчас решается судьба его высшего образования и служебной карьеры.

Что делать? Извиниться и покаяться при всех? Нет, это скорее всего только взбесит ее. А будь, что будет, мысленно решил он и молча стал ждать следующего шага или, вернее, слова. Понятно, что до соучастника дело тоже дошло и его личность сейчас будет идентифицирована.

– Так, так, так... Вот, значит, какая у вас командировка, – продолжила преподаватель свой «допрос». – Так, так, так. А где же второй командированный? Он наверняка должен присутствовать. – Она на мгновение задумалась, словно что-то вспоминая. – А где у нас тот, который «здесь?» – вспомнила она представление лохматого, но почему-то прочитала координаты Сереги-Папы.

Парень резко встал. Его прошиб недоуменный испуг – а вдруг женщина по каким-то признакам признает в нем своего обидчика? Физиономия его уже не светилась ожиданием чего-то неординарного, но для него неопасного, а словно умоляла опознавателя: «Вы ошибаетесь. Я – это не я. Я – это другой я».

Но та и сама поняла это.

– Садитесь, Сергей Павлович. А вы, Сергей Федорович, встаньте, пожалуйста.

Сергей поднялся со стула и застыл с невозмутимым выражением лица, как у статуи моаи на острове Пасха. Узкий разрез глаз парня еще больше подчеркивал такое сходство.

Вся группа была заинтригована происходящим и не понимала, что происходит.

Надо сказать, что троица – два Сереги и Жорка – выделялась на курсе какой-то бесшабашностью. Создавалось впечатление, что эти ребята приезжают на сессию только отдыхать. Было непохоже, что они усиленно готовятся к экзаменам и зачетам, но почему-то всегда успешно сдают их, и все им сходит с рук. Это бесило усидчивых зубрилок, которые нередко заваливали экзамены. И они искренне желали троице учебных неудач. Вот и сейчас многие в группе подумали, что эти прохиндеи опять нашли общий язык с преподавателем и все у них будет «хок-кей».

Но они ошибались. И даже не догадывались, что над этим трио, точнее, дуэтом из этого трио, нависла «смертельная» опасность, а у них, возможно, наконец появится повод позлорадствовать.

Ангелина Валентиновна не стала продолжать свой «допрос с пристрастием», а более мягким тоном с любопытством спросила Рыбиных:

– Вы, что, родственники? Но на братьев вроде не похожи ни по внешнему виду, ни по отчеству.

Но вместо «родственников» высунул свой язык Жорка:

– Муж и жена, – скорострельно ляпнул он, даже не сознавая, что сказал и как у него выскочило такое определение.

Это вызвало громкий смех студентов, сдержанный смех преподавателя и два увесистых кулака обоих Сергеев. Язык парня в очередной раз сообразил быстрее «мозговарки».

– Похвально, молодой человек, что ты не теряешь чувство юмора даже в критической для себя ситуации, – обратилась преподаватель уже к Скворцову, почему-то перейдя на «ты».

В таком переходе с официального тона на более обыденное обращение в сознании Жорки промелькнула искорка надежды на благоприятный исход из ситуации.

– Но ты хотя бы рубашечку сменил, чтобы заштриховать в моей памяти яркие моменты нашего знакомства.

– Да нету у меня другой рубашки, Ангелина Валентиновна, последнюю донашиваю, – негромко промямлил Скворцов, продолжая гнать свою ироничную волну разговора, психологически оправдывая себя – будь что будет.

– Ах, бедненький, пожалеть, что ли, тебя? Ну а вы, юноша, – уже более жестко и официально спросила она лохматого Сергея, – хоть бы в косичку заплели свои кудри или вообще постриглись, дабы не оставаться в моем сознании столь запоминающейся личностью. Или, может, тоже не на что? Неужели трех рублей не хватило на стрижку? Кстати, Скворцов, а как ваша ножка? Наверное, потребовалась помощь хирурга? В гипсе то долго ходили?

– Да нет, я без хирурга, сам разминал. В футбол играл.

– Учтите, умники: я тоже в какой-то мере – хирург. Но режу без наркоза и зазубренным скальпелем. Но к этой операции мы еще вернемся.

Группе наконец стало окончательно ясно, что парни влипли в какую-то неприятную историю, даже более неприятную, чем неуд на экзамене. И эта туманная ситуация все больше заинтриговала сознание сокурсников.

Преподаватель ненадолго задумалась, затем продолжила знакомство с группой, а закончив его, приступила непосредственно к семинару.

– Мой предмет более тщательно изучается в учебных заведениях, готовящих специалистов межгосударственных отношений. Но и в чисто юридических вузах он преподается практически в полном объеме, и требования к студентам по его усвоению такие же высокие, как и по другим правовым дисциплинам. Имейте это

в виду, – напугала она слушателей своим вступлением.

Но в дальнейшем ее рассказ и объяснения предмета стали более доходчивыми и порою перерастали в беготню. Она задавала вопросы. Кое-кто решался отвечать, формулируя ответ, как правило, заученными книжными понятиями, хотя вообще эта наука сама по себе мало располагает к литературной импровизации. Многие, в том числе и Рыбин-Папа записывали что-то в тетради.

Жорка и Серега лохматый никаких записей не вели, а сидели насупившись. Неопределенность их положения отбивала желание что-либо конспектировать.

Между тем Ангелина Валентиновна продолжала вести семинар, медленно расхаживая по аудитории.

– Обращаю ваше внимание, друзья, что при ответах на вопрос о форме государственного правления мало будет сказать, какая это форма в данной стране – республика или монархия. Недостаточным будет и ответ, что это президентская или парламентская республика, конституционная или абсолютная монархия. Необходимо будет указать, как называется представительный орган и полномочия монарха, президента и представительного органа. Ну возьмем, к примеру, такие государства, как Израиль и Норвегию. Может, кто-то сможет дать раскладку?

Жорка поднял руку не потому, что хотел высказаться. Ему не терпелось выяснять для себя, обратит на него внимание преподаватель или проигнорирует. Если второе, то это, по всей видимости, означало бы вычеркивание его с приятелем из списка допущенных к экзамену по ее предмету, если не хуже. На счастье Жорки, руку больше никто не поднял.

Преподаватель сделала небольшую паузу, возможно, ожидая других желающих высказаться, и только после этого, почти не скрывая интонацию, съязвила:

– Смотрю, товарищ Скворцов желает блеснуть своими знаниями. Ну держайте.

– Государство Израиль, основанное в 1949 году, имеет парламентскую форму правления. Парламент однопалатный. Он называется кнессет и избирается на 4-летний срок. Имеется и президент, который избирается парламентом на 5 лет. Но президент исполняет в основном представительские функции, хотя имеет право назначать... Нет, не назначать, а предлагать кнессету кандидата в премьер-министры...

– Ну, что ж, неплохо, – прервала его Ангелина Валентиновна. – А кто в на-

стоящее время там является премьер-министром?

– Фамилия его точно Бегин. А вот имя не могу запомнить. Но по-нашему можно назвать Мишкой.

– Значит, Мишка Бегин, по-вашему?

– Да вроде того.

– Вы почти угадали. Его имя – Менахем. У вас неплохие знания по Израилю. Вы что, там бывали?

– Да нет, куда мне? Но хотелось бы побывать.

– Что, постоять у стены плача и попросить прощения?

– Сначала, конечно искупаться в Мертвом море и подлечить пошатнувшиеся нервы после сессии.

– Садитесь.

Женщина поднесла к губам сомкнутые в кулачок пальцы и притворно кашлянула, чтобы скрыть явную улыбку и попытаться выглядеть серьезной.

Сергея лохматый, видя, что у Жорки выступление проскочило, сразу же после его ответа тоже набрался наглости поднять руку. И, на его счастье, остальные студенты поскромничали.

Ангелина Валентиновна заметила это, глубоко вздохнула и после небольшой паузы все же обратилась к нему:

– Сергей Федорович желает что-то добавить к сказанному предыдущим оратором?

– Нет. Но вы... это... предложили дать расклад по Норвегии. Так я и хочу об этом сказать.

Сергей жил в Мурманске, где Норвегия, как говорится, была на слуху. И это была его возможность показать себя с хорошей стороны.

– Вы что, только о Норвегии выучили?

– Да нет, я... это... - Серёга разведенными руками показал окружность. – ...по всему глобусу учил.

Преподаватель невольно улыбнулся такому косноязычию.

– По мне бы лучше по всему учебнику учили. Ну, докладывайте.

Излагать вопрос студент начал гораздо грамотнее.

– Норвегия является конституционной монархией. Король, хоть и является номинальным главой государства, но исполняет в основном церемониальные и представительские функции. Но он имеет также право предлагать парламенту кандидата в премьер-министры...

– Хорошо. А вы можете сказать, как называется парламент и имя правящего короля?

– Да. Король Улаф Пятый, а парламент – Стортинг.

– Хорошо. Достаточно. Вижу, знания у Вас есть.

Преподаватель со строгим видом подошла к своему столу и продолжила изложение оставшихся вопросов четким академическим языком без лирических отступлений.

В конце занятия она поинтересовалась, есть ли какие-то неясности по семинару, и, ответив на пару заданных вопросов, заявила:

– Знаете, друзья, я иногда применяю такую практику при сдаче экзамена. Если кто-то из вас считает, что достаточно усвоил предмет и может ответить прямо сейчас после семинара, то есть за полтора дня до официального начала экзамена, то добро пожаловать. Только прошу не надеяться на существующий миф, будто преподаватель ставит оценку на балл выше, чем заслужил отвечающий. Неуд останется неудом, как и другие оценки. Другое дело, что в пограничных зонах между 3 и 4, 4 и 5 приоритет будет отдаваться более высокой оценке.

Сергей Федорович с Жоркой переглянулись. Они поняли, что это их шанс, и почти одновременно подняли руки.

Ангелина Валентиновна, возможно, не рассчитывала на их активность и поэтому задумалась, сидя за столом и подперев ладонью подбородок.

Наверное, в душе преподавателя боролись друг с другом две женские особи. Одна – обиженная и оскорбленная, жаждала мести, но если не мести, то справедливого возмездия. А другая, словно сердобольная вдовушка, готовая простить и принять в очередной раз любовника-гулену.

Неизвестно, чем закончилась бы эта борьба, если бы сдавать экзамен не вызвалась еще одна студентка. Это была Люба Прилуцкая, которая полгода назад родила ребенка, оставленного на период сессии на попечение матери и мужа. Она, естественно, желала как можно скорее вернуться домой.

Студенты покинули помещение, в котором осталась только троица соискателей досрочных положительных оценок. Билеты взяли сразу друг за другом и сели готовиться к ответу. Когда преподаватель ненадолго вышла, парни попросили Любу, чтобы она шла отвечать первой. Та охотно согласилась.

Когда довольная Прилуцкая покинула класс, Ангелина Валентиновна обратилась к парням:

– Ну, что, два брата-акробата, утверждаете, что хорошо знаете мой предмет?

– Мы думаем, Ангелина Валентиновна, какая разница, что вы сегодня нам неуд поставите, что послезавтра, – откровенно начал высказываться Серега. – Так хоть времени больше будет, чтобы полнее освоить эту науку.

– А с чего вы взяли, что я поставлю вам неуд или какую-либо другую оценку? У вас и без оценок вообще будет уйма свободного времени от всех вузовских наук. Вас пинком под зад отсюда надо гнать.

Немного помолчав, парни начали было извиняться, но женщина резко прервала их лепет.

Она давно заметила трехрублевую купюру под бутылкой, но до этого момента не подавала вида.

– Это что? – взяла она в руку деньги. – Взятка, что ли? Так больно дешево вы оцениваете значимость моей персоны...

– Ангелина Валентиновна, – дипломатично начал Сергей, – мы же одалживали у вас три рубля...

Женщина взорвалась от какого-то саркастического смеха.

– Ай да ребятишки! Одолженьице сделали. И хватает наглости говорить такое... Ладно! – прервала она свой смех. – Слово – не воробей, раз обещала принять экзамен и разрешила взять билеты, отвечайте.

Первым отстрелялся Сергей. Он попросил остаться в классе до сдачи экзамена другом, чтобы не объясняться в коридоре со студентами, и получил разрешение.

Жорке тоже не составило особого труда получить удовлетворительную оценку. Когда он ответил, женщина пристально поглядела ему в глаза.

– Да, парни вы неглупые, отрицать бессмысленно. Это я оценила еще в начале сессии. Но ответь мне, Скворцов, что тебя толкнуло тогда разыгрывать спектакль с травмированной ногой?

– Понимаете, Ангелина Валентиновна... В тот момент, когда вы мимо меня проезжали, передо мной промелькнуло очаровательное видение прекрасной женщины. И мне стало ясно, что если я еще хоть разок не увижу это видение, то свет белый просто померкнет передо мной.

Она от души, но уже по-доброму вновь рассмеялась. И еще не закончив смеяться, сделала заключение:

– Ну ведь сволочи же... Но приятные.